Там, где лес не растет

Автор:
Мария Семёнова

Там, где лес не растет

Мария Васильевна Семёнова

Волкодав и его мирМиры Марии Семеновой (Азбука)

Далеко за морем, в сотнях вёрст от родных лесов, где молодой венн Коренга знал каждое дерево, от речки Черёмуховый Юг, притока славной Светыни, высоко в горах живёт удивительное и нелюдимое племя виллов, в котором у каждого человека есть побратим – крылатый пёс симуран. Легенды утверждают, что самый первый симуран был обычной собакой, но Боги наделили его могучими крыльями. Только тот, кто всю жизнь мечтал о полёте, понимает, какое великое счастье выпало на долю виллов, ибо крылатые братья поднимают их в небеса…

Долгий и опасный путь предстоит одолеть юному Коренге – сыну того же племени веннов, к которому принадлежал и род Серых Псов. И пусть этот юноша не такой могучий воин, как Волкодав, пусть он не может никому открыть страшную тайну, что погнала его в путь, – он не отступится, какие бы козни ни строила коварная судьба.

Мария Семёнова

Там, где лес не растёт

Серия «Миры Марии Семёновой»

© М. Семёнова, 2007

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

– Держись! Я здесь, я иду, держись!

Щенок-симуран таращил глаза и цеплялся передними лапками за ледяной выступ. Задние болтались над пустотой. Крылья, ещё не сбросившие детского пуха, беспомощно дёргались. Юные симураны впервые взлетают годовалыми, а иные и позже. Этому малышу было всего четыре месяца от роду.

Белоголовая девочка пыталась дотянуться до него, медленно сползая по склону. Она была хрупкой и маленькой, как все виллы, но щенок привык знать в ней Хозяйку, мудрую и всемогущую. Когда сегодня они отправились гулять, забрели на отдалённый снежник и хозяйка бросила ему тряпочный мяч, малыш, не раздумывая, помчался ловить. Теперь мячик лежал где-то там, далеко внизу, невидимый среди острых камней. Щенок, угодивший на скользкую крутизну, должен был вот-вот отправиться следом.

Рука Хозяйки, такая сильная, спасительная, придвигалась всё ближе. Девочка-вилла могла бы позвать на помощь, но не делала этого, потому что ей было стыдно. Закусив губы, она осторожно переставляла нож, воткнутый в снег, и пядь за пядью спускалась к щенку.

Наконец она коснулась его, схватила за шиворот и потянула к себе, вытаскивая наверх. Однако движение, поставившее малыша на безопасный уступ, для неё самой оказалось последним. Двойной вес заставил нож прочертить в плотном снегу глубокую борозду. Девочка потеряла опору, тихо вскрикнула и полетела вниз. Маленький симуран видел, как она переворачивалась в воздухе и становилась всё меньше. Потом камни внизу окрасились кровью, и голос Хозяйки навсегда перестал звучать у него в голове.

Когда подоспела подмога, щенок лежал в снегу на краю пропасти и кричал. Это был страшный то ли вой, то ли крик симурана, оставшегося сиротой…

Глава 1

Дети Кокорины

В начале весны над окрестностями Галирада повисают толстые, тяжёлые облака, похожие на мокрые разбухшие войлоки. Они плывут с моря, оттуда, где стынут в вечных туманах Сегванские острова. Облака несут с собой столько влаги, что едва могут её удержать. Избыток сырости проливается наземь дождём, и белому великолепию зимы приходит конец. Обнажившаяся земля ещё мертва и оттого безобразна. Словно устыдившись содеянного, дождь уступает черёд мокрому снегу, зачастую обильному на удивление. Такую погоду галирадцы называют «дряпня», и по самому названию чувствуется, сильно ли она нравится людям. А налипшее покрывало ещё прихватывает вернувшимся морозцем… Вот тогда жители сольвеннской столицы вовсе перестают понимать, вправду ли в ворота постучалась весна или, может, нынешний год нечаянно проскочил мимо красного лета и опять уходит в предзимье?

Но потом, ближе к великому празднику Рождения Мира, когда день впервые равняется с ночью и принимается главенствовать в сутках, погода меняется. Всё тот же западный ветер рвёт казавшиеся бесконечными облака и уносит их в неворотимую сторону. Солнечная колесница день за днём скользит в ясной, ничем не нарушенной синеве, а ночами людским глазам являют себя величественные караваны созвездий, замыкающих свой годичный круговорот в небесах.

В это время по северным склонам холмов ещё громоздятся непролазные залежи осевшего, но по-прежнему упорного снега, в тени пробирает морозец и под ногами хрустят замёрзшие лужи, но на солнце люди работают в одних рубашках и закатанными рукавами утирают с лиц пот.

Галирадцы любят такие дни – и просто за их удивительную, какую-то изначальную прелесть, вполне соответствующую Рождению Мира, и в особенности за то, что об этой поре, пользуясь благодатью обтаявших, но ещё не

раскисших дорог, в город начинают прибывать купцы на колёсных телегах. Прибывать и приводить первые обозы после того, как прекращается санный путь.

Тут надо заметить для неосведомлённых, что море у здешних берегов, близ устья великой Светыни, не замерзает никогда, даже в самый лютый мороз, а значит купцы-мореходы прибывают сюда круглый год без перерыва. Оттого так важно для Галирада надёжное сообщение с внутренними частями сольвеннской державы и всякими сопредельными краями, куда нет морского подхода. Ведь не дело залёживаться в лабазах товарам, привезённым с другого конца света, не дело и кораблям уходить обратно пустыми!

В один из таких дней, дышавших неясными надеждами и толком не устоявшимся теплом, и прибыл в Галирад тот молодой венн, и стражники сразу обратили на него внимание.

То есть прибыл он, конечно, не сам по себе, а с обозом известного и уважаемого в городе торгового гостя. К таким большим и надёжным обозам всегда пристаёт много разного перехожего люда. Потому-то стражники при воротах не только проверяют именем государя кнеса ввозимое в город добро. Между делом они ещё и зорко высматривают среди приезжих всякого рода лиходеев и беспутных искателей ратного счастья, коим, может быть, вовсе даже не место на улицах сольвеннской столицы. Пригляделись и к венну… Но не потому пригляделись, что не любили этого племени. И не потому, что бросились в глаза оружие и воинская стать или шрамы, справедливо толкуемые как свидетельство разбойного нрава. Какие шрамы? Было парню вряд ли более семнадцати лет, а выглядел бы и вовсе подростком, только-только начавшим по-мужски заплетать волосы в косы, – если бы не усы да не реденькая юношеская бородка, никогда ещё не знавшая ножниц. Правда, возле губ имелись морщинки, которым в семнадцать лет там не полагается быть, но разве такую чёрточку заметишь в весёлый солнечный день?

Тем не менее житель северных лесов выделялся среди прочих обозников, словно красная бусина в миске белого бисера. А всё потому, что путешествовал он удивительным образом: ни пешком, ни верхом, ни на повозке с товарами. Он сидел в своей особой тележке, сделанной наподобие тупоносой лодчонки поменьше сажени длиною и поставленной на небольшие колёса. Сидел, опираясь спиной на мягкий вьючок и вытянув ноги, укутанные тёплым меховым одеялом. И держал в правой руке крепкий рычаг, направлявший бег передних

колёс. А в левой – короткий плетёный ремень, пристёгнутый к ошейнику здоровенного волкодава. Пушистый кобель, зачем-то одетый в замшевую попонку со множеством притачанных кармашков, неспешно шагал, держась вровень с обозными лошадьми. И без видимого усилия тянул за собой тележку с хозяином.

Купеческие повозки уже останавливались перед воротами, на ровной площадке у подножия городской стены. Хозяин обоза шёл от одной телеги к другой, сопровождаемый старшиной стражников. Почтенному торговцу в стольном городе привыкли верить на слово. Оттого тюков не развязывали; стражник лишь пересчитывал их, отмечая на особой дощечке, а купец называл товар. Благо тому, кто честно дело ведёт! И себе проще, и людям быстрее.

– Знатная у тебя тележка, сынок… – обратился старшина к венну.

Стражник вёл свой род с Островов и до сих пор связывал волосы хвостом на затылке, но многолетняя служба в Галираде сделала его выговор чище, чем у иных местных. Он смотрел на паренька сверху вниз и, может быть, удивлялся, но ничем этого не показывал.

Между тем пёс, отпущенный венном погулять, деловито задрал лапу у ближайших кустов и сразу вернулся. Стоит ли далеко отлучаться, когда к хозяину подходят всякие незнакомцы? Враждебности кобель, впрочем, не проявлял, просто сел рядом и заулыбался во всю пасть, радуясь отдыху и слушая людской разговор. Он выглядел куда дружелюбней, чем бывали обычно его собратья по породе. Вот только приблудные шавки, во множестве обитавшие у ворот и обычно не упускавшие случая побрехать на чужаков, как-то сразу смутились и вспомнили о неотложных делах, ожидавших их за углом воротной башни, подальше от мохнатого незнакомца.

– Верное слово ты молвил, господин мой, – задрал русую голову венн. Голос у него оказался мужественней, чем вроде бы обещала внешность. Он гулко похлопал пятернёй по жёсткому борту, выгнутому из вощёной кожи наподобие воинского щита: – Сам не нарадуюсь батюшкиной работе! Третий раз луна обновилась, как из дому уехал, а не изломалась, ни разу не подвела.

– Третий месяц? – невольно переспросил старшина и даже слегка нахмурился.

Страна веннов по справедливости считалась гораздо более зимней, чем здешнее побережье. Там и сейчас снегу наверняка было по уши. А уж три-то месяца назад!.. Даром ли шутят про веннов жители Галирада, что у тех в каждой избе по две двери: одна как у всех людей, а другая – на крыше, зимой через сугробы перелезать. По такой поре да в тележке?..

Торговый гость стоял рядом, усмехался в усы и не торопился ничего объяснять. Однако паренёк, как видно, не впервые сталкивался с людским любопытством. Он ответил на невысказанный вопрос, сняв с упора и двинув вперёд ещё один деревянный рычаг. Кожаное днище, снабжённое для прочности деревянными рёбрами, плавно опустилось на землю, колёса же оторвались от дороги. Тележка сделалась ещё больше похожа на лодку. Сразу стало понятно, каким образом в ней можно было ездить по снегу и густым верещатникам. И даже небольшие речки с болотцами, наверное, пересекать.

– Изрядный умелец твой батюшка, – искренне похвалил стражник. Он сам вырос на корабле и понимал толк в разных приспособлениях, облегчающих жизнь странствующему человеку. Но тележка тележкой, а и обязанности не следовало забывать. И он спросил: – А ты, парень, сам чей будешь? Что-то я твоих знаков рода то ли узнать не могу, то ли вовсе не вижу…

И это было отчасти даже подозрительно, ибо мало кто так ревновал свою родовую честь, как венны.

– Моей семье, добрый господин мой, ни к чему особые знаки, – отвечал словоохотливый путешественник. – Потому что мы всюду дома, где лес есть, а там, где лес не растёт, венну и делать нечего, ведь так? Мы – дети Кокорины[1 - Кокора – ствол дерева с мощным, торчащим в сторону корнем либо толстым суком.]: Хонга да Конда, Голомень да Разсоха, Мяндач да Железный Дуб… – Тут он улыбнулся и развёл руками, и стало понятно, что сейчас речь пойдёт о его собственном прозвании. – Ну и Коренга?[2 - Коренга? – все имена «детей Кокориных» происходят из мира деревьев и леса. «Коренга» означает плохо выросшее кривобокое деревце, корягу.], конечно. Ибо как в добром лесу да без коряги? Никак!

Он густо окал, как всё его племя, и, произнося своё имя, выделил голосом последнюю букву, так что стражник даже не вдруг узнал знакомое слово. В Галираде его произносили иначе и с иным ударением: «ка?ренга». Старшина поневоле вздохнул про себя. Он, конечно, успел рассмотреть, что ноги парня

даже под толстой меховой полстью[3 - Полсть – здесь: толстое тёплое покрывало.] выглядели слишком худыми. И, пока тот возился с рычагами, совсем не помогали движению тела. Коренга был калекой. Вполне сообразно имени – корягой в красном лесу. Стражник подумал о том, что в городе, где он, островной сегван, привык чувствовать себя своим, этому парню из соседнего племени, пожалуй, придётся запастись терпением не только против суетного любопытства зевак. Весьма вероятно, что над ним ещё и за его выговор станут смеяться, начнут дразнить, имя на все лады перекраивать…

Старшине вдруг стало стыдно. Он ведь и сам едва не спросил, что за великая надобность посередь зимы погнала безногого из дому, от тёплой печки, от отцовой заступы, от мамкиных пирогов. Проглотив вопрос, которого нипочём не задал бы здоровому, он сказал:

– Товара, так понимаю, с собой не везёшь… Не пса ведь на продажу привёл?

Коренга улыбнулся ещё шире и обнял любимца за шею. Кобель переступил с лапы на лапу и смачно облизал хозяйскую щёку. Нет, братьями торговать тут никто не собирался.

– Я, – сказал молодой венн, – у тебя в городе, господин мой, не задержусь. Мне бы только узнать, не идёт ли в скором времени какой корабль в страну Нарлак, в город Фойрег.

Старшина сделал на своей дощечке пометку и кивнул.

– Об этом на причалах расспросишь. – Ему смерть как хотелось поинтересоваться, а хватит ли у венна денег на такую поездку. Но об этом, опять же, он не стал бы спрашивать человека, пришагавшего на своих двоих или приехавшего на лошади. Старшина хорошо знал, как легко обидеть калеку. Его родной батюшка некогда лишился руки, после чего дружная забота галирадской родни чуть не довела старого воина до беспробудного пьянства. Всё-таки стражник добавил, не удержавшись: – Вот что… Надумаешь заночевать на постоялом дворе, где ваше племя часто останавливается, выспроси госпожу Любочаду. Её всякий в городе знает.

– Спасибо, добрый господин мой, – наклонил голову венн.

Повозки торгового обоза одна за другой покидали площадку и, тяжко поскрипывая, въезжали в городские ворота. Скоро тронулся с места и Коренга в своей хитроумной тележке, и деревянный свод башни проплыл над его головой. Пёсьи когти и маленькие колёса застучали по уличным мосткам сольвеннской столицы.

Глава 2

За море по нитки

Надобно молвить, в Галирад Коренга въезжал не без некоторого замирания сердца, и тому имелись причины помимо всем известной нелюбви веннов к большим городам. Сколько видел он на своём пути деревень и погостов, везде повторялось почти одно и то же. Из-под каждых ворот вылетали брехливые шавки – и непременно норовили если не куснуть его спутника-пса, то уж всячески его оскорбить. Правильный боевой кобель всякий раз изготавливался примерно наказать разномастных обидчиков, но движение поводка неизменно напоминало ему о вещах более важных, чем уязвлённая гордость. И он поневоле ограничивался тем, что расправлял боевым знаменем пышный хвост и не шёл, а выступал на напружиненных лапах – вот, мол, всем вам!.. А потом за тележкой Коренги увязывались дети и оказывались во сто крат хуже дворняжек, хотя бы потому, что пёс не мог послужить от них обороной. В лучшем случае они требовали прокатиться, а бывало, лезли чуть не на колени, без спросу хватались за рычаги. Нахальные дети, «безстудные», как выражалось его племя, росшие при торной дороге, могли ли они воспитаться иными? Поднимался шум, выходили взрослые… Да вместо того, чтобы усовестить расшалившихся чад, сами давали волю праздному любопытству. И что ему, замурошке такому, в родной избе не сидится, и где ноги оставил, и есть ли вообще они у него, ноги-то, или он пеньки прячет под полстью?..

И вот так – почитай во всяком селении, через которое пролегал его путь. Что же будет в большом городе, где, наверное, сто улиц? И на каждой живёт по сто человек?.. Мозоль на языке не нажить бы, пока от всех отболтаешься.

К его большой радости, всё оказалось значительно проще, чем он издали себе представлял. Похоже, торговый Галирад видывал виды, по сравнению с

которыми его тележка в настоящие диковины не выходила. Следовало бы ему это понять ещё по поведению стражников, воздержавшихся от никчёмных расспросов. Да, на Коренгу оглядывались. Кто-то удивлённо поднимал брови, неожиданно заметив его или споткнувшись о колесо. Но, на том спасибо, толпа кругом ни разу не собралась.

Так что вскорости молодой венн уже сидел на большой торговой площади, у края шумных рядов, там, где начинались причалы, и смотрел на море и корабли.

Ни того ни другого он никогда прежде не видел. Море было белёсо-голубым и спокойным, даже дремотным, и у него не было края. Лишь острова, неровным полукругом разбросанные в нескольких верстах от города. Такую необъятность ещё надо было постичь, примериться к ней. Непривычный взгляд Коренги помимо воли обшаривал окоём в поисках матёрой суши, он никак не мог отделаться от ощущения, что стоит въехать на горку или влезть на высокое дерево, и «тот» берег непременно появится. Умом он понимал, что это не так, но огромность пространств, таившихся за небоскатом, всё равно не желала укладываться в сознании. Всё же Коренга был сыном сухопутного племени. Его род сидел на речушке по имени Черёмуховый Юг, что бежала лесными чащобами к матери Светыни. Сама же великая Светынь для веннов текла не просто от родников к морю – она струилась из прошлого в будущее, соединяя и в то же время разделяя миры. Если венн хотел послать кого-то «подальше», он мог посоветовать вредному человеку сесть в лодку и уплыть по реке, ибо река мыслилась земным отражением Млечного Пути, не имеющего ни верховий, ни устья, но текущего из одной бесконечности в другую…

Чему в таком случае следовало уподобить море, поистине превосходившее всё ведомое лесному народу?

А ветер!.. Такого ветра, как здесь, тоже никогда не бывает в лесу. Разве на берегу обширного озера – и то отдалённо. Морской ветер не рвал с головы шапку, не выжимал слёзы из глаз… Но при этом дышал глубинной, удивительной мощью, которая только и может родиться в многодневном полёте над гладью, не чинящей преград.

Дивное и тревожное место, берег солёного моря, не зря почитавшийся у веннов когда-то границей населённой Вселенной!

И можно ли было на самом деле поверить, будто там, за великой водной препоной, кольцом обнимающей мир, находился не предел тверди земной, где можно руками потрогать склонившийся к Земле хрустальный купол Небес, не таинственная грань Исподнего Мира, обиталища грешных душ и Тёмных Богов, – можно ли было на самом деле поверить, будто там лежала точно такая же суша и жили будничной жизнью обычные люди, в точности похожие на самого Коренгу и на обитателей Галирада?..

Никак невозможно. Хотя, судя по всему, поверить было необходимо.

Коренга даже с завистью покосился на своего пса, без лишних раздумий вбиравшего ноздрями запахи горько-пряной морской соли, гниющих водорослей и простора. Счастлив зверь, всё принимающий как должное: так – значит так, значит, так тому и положено быть! У людей столь счастливой способностью наделены только дети, ещё не опутанные знанием и жизненным опытом. И мудрецы, уже вырвавшиеся из этих пут и сумевшие понять: чем больше знаешь, тем чаще напарываешься на нечто, не пролезающее в ворота известных законов; и когда это происходит, нужно брать топор и должным образом подтёсывать ворота, а не пытаться силком вгонять в них окружающий мир. Коренга не был ни ребёнком, ни мудрецом… ни подавно собакой. Просто в отличие от беззаботного пса он ещё и размышлял над увиденным, старался осмыслить…

– Прости, почтенный, – обратился он к пробегавшему мимо разносчику пирожков. – Не скажешь ли, который из кораблей отправляется в страну Нарлак, в город Фойрег?

Белобрысый молодой галирадец для начала бросил псу кусок пирожка, нечаянно развалившегося на лотке. Кобель дёрнулся было за угощением, но тотчас опамятовался и, облизнувшись, отвернул морду.

– Ух, гордый-то, – то ли восхитился, то ли оскорбился пирожник.

– Это я так приучил его, почтенный, – пояснил Коренга, подбирая с земли упавший кусок. – Не все люди добры и порядочны, подобно тебе. Есть и такие, кто отравит чужую собаку просто ради забавы, а я своего пса берегу. Сам видишь, мне без него никак. – Он протянул пирожок кобелю и разрешил: – Ешь.

Лакомство мгновенно исчезло. Пёс даже начал было с надеждой поглядывать на лоток: вдруг ещё что прилетит? – но под строгим взглядом хозяина счёл за благо улечься возле тележки, словно забыв о присутствии щедрого незнакомца.

– В Фойрег? – туповато переспросил галирадец. – А что тебе там, в Фойреге?

Коренга мысленно вздохнул и ответил:

– Там, говорят, чудные нитки для кружев выделывают. Меня мать послала, велела купить.

– По нитки? – удивился парень. – Это ты по нитки в такую даль прёшься?

– У нас, – нахмурился Коренга, – если мать слово говорит, перечить не принято. Так скажи мне, сделай милость, который корабль в Фойрег собирается?

Галирадец, кажется, был настолько ошарашен его объяснением, что даже не поинтересовался: отчего это привередливая рукодельница послала в далёкий путь безногого сына, нешто других не нашлось?

– Во-он те два, – указал он Коренге рукой. – Тот большой аррантский и ещё другой, из камыша связанный, где чёрные люди… Видишь?

– Вижу, – кивнул Коренга. – Спасибо, почтенный.

Глава 3

Море, корабли и добрые люди

Он сразу сделал выбор в пользу аррантского корабля. Наверное, тростниковая лодья тоже на что-то годилась, раз сумела одолеть море, добираясь сюда аж из самой Мономатаны. И вообще, чернокожие мореплаватели, должно быть, о чём-то думали, вверяя ей свою жизнь. Однако крутобокий аррантский корабль выглядел гораздо надёжней. У него небось палуба ровная и прочная, сделанная

из досок. Не надо гадать, как это тележка станет переваливаться по выпуклым камышовым связкам, стянутым верёвками… Не говоря уж о навязчивой боязни, что однажды среди ночи эти верёвки непременно развяжутся, пропуская тёмную и холодную воду!

Окончательно решившись, молодой венн въехал на причал, и вблизи аррантский корабль произвёл на него ещё большее впечатление, чем издалека. Как почти все венны, Коренга кое-что понимал в искусстве обращения с деревом и сумел оценить выверенную округлость гладких бортов, за которой – это чувствовалось безошибочно – стоял вековой труд потомственных корабелов. Да, такой корабль был воистину способен из конца в конец пересечь кажущееся бескрайним море и возвратиться обратно, не встретив беды!

И название у судна было хорошее – «Чагра?ва»[4 - Чагра?ва – разновидность небольшой чайки.]. Кому жить в ладах с океаном, если не чайке?

Коренге понравилось даже то, что борт большого корабля был заметно выше причала, так что мостки вели вверх. На широких досках, правда, были набиты поперечные бруски. Они давали опору ногам сильных и здоровых людей – и препятствовали колёсам, по обидному свойству всякого порожка или ступени. Коренга, впрочем, сказал себе, что у аррантов наверняка сыщется гладкий всход, предназначенный для катания бочек. А если даже и нет, то так ли уж затруднит дюжих мореходов его тележка, маленькая и совсем не тяжёлая?

Он подъехал вплотную и с немалым волнением обратился к долговязому парню, стоявшему возле сходен. Судя по ошейнику на шее, парень был рабом. Коренга призадумался, как заговорить с ним, чтобы сразу расположить к себе и не задеть его гордость.

– Скажи, добрый корабельщик, – наконец проговорил он по-аррантски, – с кем бы мне переговорить о поездке на этом поистине славном корабле, если только не врут люди и он вправду направляется в Фойрег?

Языку заморского народа его учил соплеменник – бывалый купец, постигший немало иноземных наречий. Этот человек утверждал, будто получалось у Коренги неплохо, однако с урождённым аррантом до нынешнего дня беседовать молодому венну не приходилось. Проезжая улицами Галирада, он видел аррантов, слышал их молвь и с радостным изумлением убеждался, что,

оказывается, впрямь кое-что понимает. Схожее изумление испытывает малое дитятко, когда впервые без помощи взрослых пожарит яичницу и обнаружит, что состряпанное съедобно: «Как настоящая!..»

– Обожди здесь, господин мой, я хозяина поищу, – поклонился раб, и Коренга возликовал, начиная верить в удачу. Зря ли говорила ему мать, когда собирала в дорогу: «Помни, сынок, люди не так глупы и жестоки, как нам иногда кажется. Всюду найдутся готовые помочь тому, в ком видят слабейшего. Хотя бы оттого, что тем самым подтверждается их собственная сила и удаль…»

Неожиданное происшествие, случившееся у края торговых рядов, отвлекло их обоих. Аррантский невольник стоял в ту сторону лицом, и ему достаточно было просто вскинуть глаза. Коренга, заключённый в скорлупу своей тележки, обернулся медленнее. Но и он успел заметить тень человека в серых лохмотьях, невероятно быстро удиравшего за угол большого лабаза. Туда, где начиналась путаница кривых, захламлённых и вонючих проулков, – изнанка изобилия, присущая всякому обширному рынку, тем более прибрежному. Спасительные дебри для разного рода ворья, коему, как известно, где ещё обретаться, если не около торга.

За воришкой тяжело бежал дородный, хорошо одетый сольвенн. Одну руку он простирал вперёд, то ли указывая, то ли грозя кулаком, другой неизвестно зачем придерживал пустое место на поясе, оставшееся от срезанного кошеля.

– Держи вора!..

Что было в том кошеле? Выручка от продажи выставленного на прилавок? Серебро из семейного сундука, взятое порадовать домашних долгожданной покупкой? Дорогое колечко, приобретённое для дочери или жены?.. По мнению Коренги – да, кажется, и большинства окружающих, – сольвенну можно было лишь посочувствовать. Не такому, как он, ловить легконогого и юркого беглеца. Народ, охотно повторявший клич обворованного, в погоню торопился не слишком. А городской стражи, как почему-то всегда в таких случаях происходит, поблизости не наблюдалось. Молодой венн даже заметил кое у кого на лицах улыбки. Так улыбаются люди при виде чужой и очень обидной оплошности, радостно сознавая, что сами-то не совершили подобного… на этот раз. Коренга и сам близок был к подобной улыбке, ведь его деньги, заботливо собранные

роднёй, покоились в надёжнейшем месте, никаким ворам не доступном. Похоже, однако, такая самоуверенность оказалась греховной. Ибо чем ещё объяснить, что сольвенн, запыхавшись, остановился и, озираясь кругом, обратил гневливый взор не на кого иного – именно на него.

– Ты!.. – заорал он, наконец-то оторвав левую руку от пояса. – Спускай живо собаку!.. Спускай, тебе говорят!..

И, поскольку Коренга не сделал никакого движения, лишившийся кошеля подскочил прямо к нему и попытался выхватить поводок. Он, может быть, думал, что выдернуть плетёный ремень из ладони калеки – дело нехитрое, однако ошибся. Пальцы у Коренги были весьма крепкие, и он их не разжал. Да и кобель тотчас возмутился самоуправством. Обернулся и хлопнул по чужой руке челюстями. Не во всю силу, не так, как сделал бы в ярости, отстаивая хозяина, – просто чтоб отвязался… Но надобно знать, что за пасть у веннского волкодава. И какие в этой пасти клыки. Дородный сольвенн взвыл от неожиданности (боль-то ещё не пришла) и отскочил, хватая пропоротую руку здоровой.

– Не держи сердца, почтенный, – извинился Коренга. – Мой пёс к тому не приучен, чтобы за всяким гоняться, на кого ему сторонние люди укажут. Он меня бережёт… Да меня одного только и слушает.

Он был готов засвидетельствовать – а понадобится, и доказать кому угодно – отменную выучку своего мохнатого спутника, дабы каждый мог видеть, что покусанный был сам виноват… но не пришлось. Пока он говорил, галирадец успел оправиться от нового потрясения и в свою очередь открыл рот, собираясь, кажется, заорать. Судя по выражению побагровевшего лица, он был намерен обвинить Коренгу уже во всех своих сегодняшних бедах. И, надо думать, обвинил бы – но в это время с корабельных мостков послышался задорный молодой голос.

– О чём шумим, добрые люди? – весело вопрошал он по-сольвеннски с едва заметным чужим призвуком. – Что за шум, а девки нету?

По сходням спускался хозяин «Чагравы», аррантский купец. Как почти всё его племя, он наголо брил подбородок и оттого казался моложе, чем, наверное, был, а уж голосом обладал вовсе юношеским, чистым и звонким. Народ начал смеяться его оговорке.

– Не «девки», добрый аррант, а «драки». Так у нас бают.

– А в чём разница? – нимало не смутился купец. Зубы у него были ровные, белые. А ноги от сандалий до подола тонкой рубахи – не прикрыты штанами, назло стылому холоду. – Я думаю, – продолжал он, – была бы девка – и драка уж точно была бы… Что же здесь приключилось, почтенные? И в чём винят человека, надумавшего погостить на моём корабле?

Глава 4

Пустяки, не стоящие упоминания

Некоторое время спустя Коренга сидел на берегу, выбрав место поодаль от пристани и шумных рядов, там, где в море падал резвый и говорливый ручей. Он успел попробовать морскую воду на вкус и убедиться, что она была почти пресной. На самом деле тут нечему было дивиться, ведь Галирад выстроили у самого устья Светыни, простиравшей своё течение далеко в воды залива… Тем не менее Коренга был столько наслышан от бывалых людей о горько-крепкой солёности моря, что испытал даже некое разочарование. Чаявши рассола, ощутить на устах пресницу!.. Подспудно огорчало даже то, что Батюшка Океан, часто и почтительно именуемый Грозным да Бурным, не мчался на берег огромными сокрушительными валами, а, наоборот, мирно ластился к суше, словно какое-нибудь безобидное озерко, и ничем не оказывал присущего ему, опять-таки по рассказам бывалых людей, свирепого нрава. «Вот я и освоился, – усмехнувшись про себя, подумал молодой венн. – Только что глазам своим поверить не мог, а теперь уже недоволен. Прямо как дитя, встретившее большую собаку. Боится, руки за спину прячет, а оглянуться не успеешь – виснет на шее, за хвост тянет и в зубы залезть норовит… Пока пёс с горя не рыкнет…»

– Ты уж прости, Хозяин Морской, за дерзкие помыслы, – покаянно проговорил он вслух. – Сделай милость, не казни дурака, дай путешествовать невозбранно!

Море в ответ тихонько плеснуло на берег волной. Кажется, оно не серчало.

Берег здесь был покрыт крупной, обкатанной до гладкости галькой, а кое-где – большими круглобокими валунами. Там и сям громоздились толстые обломки льдин, неведомо как выползшие на сушу. Коренга осторожно провёл между ними тележку, заранее прикидывая, где развернётся, как будет выбираться обратно… Что поделаешь, много было у него хлопот, о которых другие люди, обладатели крепких и ловких тел, даже не подозревали. Он предпочитал думать, что и у них имелись заботы, коих он, увечный, счастливо избегал. К примеру, он мог не опасаться неумеренно драчливых парней, которые, выхлебав лишку пива, искали, о кого бы почесать кулаки. Задираться с калекой – совсем себя не блюсти. Таких конченых людей было на свете всё же немного, и добрые Боги до сих пор Коренгу мимо них проводили…

Морской берег отличался от озёрного ещё и тем, что, несмотря на пресность воды, по её краю совсем не водились кусты. Даже сизая жилистая трава росла в отдалении. Коренга решил про себя, что это из-за суровых бурь, беспощадно хлеставших волнами. Достигнув края воды, он присмотрел было местечко за валуном, чтобы укрыться, как привык укрываться за лесной зеленью. Однако вовремя сообразил, что на пустынном берегу к нему вряд ли кто подойдёт незаметно, и прятаться раздумал.

Пёс, отпущенный с поводка, для начала сунулся мордой ему в руки, потом повернулся и, косясь на хозяина, прихватил зубами угол кожаной попонки. «Надоела, сил нет! – внятно говорил его взгляд. – Может, снимешь уже наконец? Размяться охота…»

Коренга потянулся было к завязкам, но сразу одумался и опустил руки. Если кто всё же подсмотрит за ним самим, это ущемит лишь его стыдливость, беспомощную стыдливость заскорбыша[5 - Заскорбыш – заморыш, изнурённый болезнями человек или животное.]. И не более. А вот короткое послабление любимцу могло обернуться погибелью всего путешествия. Путешествия, в которое Коренгу с надеждой снаряжали не только мать с отцом – целый род. Все дети Кокорины.

И он со вздохом взъерошил косматую лобастую голову:

– Прости, Торо?н[6 - Торо?н – внезапный порыв ветра, шквал, а также удар «тычком».]. Рано ещё. Уж ты, малыш, потерпи…

Понятливый пёс тоже вздохнул – что ж, дескать, хоть и тошно, а потерплю, коли велишь! – и, оскальзываясь когтями, полез через торос вынюхивать нечто интересное на той стороне. Коренга знал, что кобель обязательно предупредит его о чужом человеке, и не стал больше оглядываться. Повозившись в тележке, он что-то сдвинул под собой, отщёлкнул, открепил… И осторожно выволок довольно объёмистый черпачок, особым образом устроенный и снабжённый непроливаемой крышкой.

Это было ухищрение против ещё одного скаредного[7 - Скаредное – мерзкое, дрянное.] свойства его никчёмного тела. Плотские отходы не желали удерживаться внутри, смирно дожидаясь посещения нужника или иного укромного места. Всё так и шло своим чередом, большей частью, конечно, очень некстати. Спасибо отцу, которого несчастье первенца превратило в великого изобретчика! Придуманный батюшкой черпачок избавил Коренгу от ежечасных и притом постыдных мучений. Пустяк вроде бы. Даже смешной. Особенно в глазах здорового человека, чьи черева? радостно принимают пищу и после спокойно, с достоинством опорожняются. А вот Коренга без этого пустяка даже за околицу своей деревни вряд ли выбрался бы. Не говоря уже ни о каком Галираде, подавно о Фойреге за морем!

И получалось, что от не стоящего упоминания пустяка зависела судьба целого рода, называвшего себя Кокориными детьми. Кому смех – а оно вон как в жизни бывает.

Коренга разрыл гальку руками и складной лопаткой, сохранявшейся в его доброй тележке. Опорожнил черпачок, сполоснул в луже, устроил на прежнее место и заровнял ямку. Голоногий купец, хозяин «Чагравы», в очередной раз подтвердил славу своего племени, гласившую, что арранта никто не превзойдёт в умении болтать языком. Он не только всех зевак, но даже самого обворованного заставил смеяться над происшедшим. Коренгу сразу забыли винить в том, что он не спустил пса догонять скрывшегося татя. По зрелом размышлении, впрочем, молодой венн умерил свою признательность купцу. Он понимал: аррант взял его сторону не оттого, что уверился в праведности его поступка, а скорее из нежелания лишаться гостя на своём корабле… и с ним платы, которую тот мог принести.

Эта самая плата, кстати, теперь заставляла Коренгу с гораздо меньшим ужасом думать о воде, собиравшейся просочиться между тростниковыми вязанками корабля чернокожих. Может быть, он всё-таки сделал ошибку, выбрав

аррантское судно?.. Купец Ириллир, похоже, сразу смекнул, что Коренга нипочём не расстанется со своим псом, и… для начала наотрез отказался брать его на корабль.

«До Фойрега – четверо суток пути, – сообщил он венну. – Что же, твой кобель на палубе будет гадить всё это время? И потом, я только что вполне убедился в остроте его зубов и превосходной свирепости нрава. Он же мне всех людей сразу перекусает! Ну и кто, по-твоему, будет с парусом управляться, когда навалится шторм?»

Коренга уже знал: «нет» в устах оборотистого купца означает, скорее всего, «давай поторгуемся». Так оно и получилось. В конце концов он добился для Торона места на корабле, отсчитав Ириллиру за своего спутника вдвое бо?льшую цену, чем за себя самого. Правда, три четверти этих денег аррант посулился вернуть, если до самого Фойрега пёс не осквернит палубу и ни разу никого не укусит. Посулился – но как знать?.. Мужик он, судя по всему, был прижимистый. Заго?мзит денежки, поди их с него потом получи. Так что венн с ними мысленно попрощался.

«Ещё кое-что, – пряча серебро, сказал Коренге купец. – Ты – гость корабля, честно оплативший плавание, и можешь для удобства находиться в покойчике. Они там, внизу, тебе покажут, где место есть. А вот пёс твой, прости, уж пускай побудет на палубе. Многие стремятся плавать со мной, и не в последнюю очередь оттого, что корабль у меня чистый, не провонявший ни тухлой рыбой, ни свиньями в клетках. Как я объясню достойным гостям, почему с некоторых пор у меня всё в собачьей шерсти и по углам псиной разит?»

«Ну тогда и я с ним на палубе буду», – мгновенно ответил Коренга, и аррант пожал плечами: поступай, дескать, как знаешь. Лишь позже молодой венн смекнул, что купец, выторговав у него приличный залог на случай осквернения и покусов, не иначе как примеривался выманить ещё денежек за покойчик под обещание, что там не останется ни запаха, ни клоков пёсьего пуха. Ириллир определённо был не дурак, значит, должен был видеть, что пёс у Коренги добротно ухожен и совсем не вонюч. Не какая-нибудь шавка смердящая. Теперь Коренга слегка досадовал на себя за оплошность. С другой стороны, обещанные покойчики для удобства гостей располагались «внизу». Стало быть, опять по другую сторону крутых корабельных лесенок и высоких порожков. Поди достигни… Разве только от смерти спасаясь…

Коренга понимал, что купец, скорее всего, не насмешничал. Просто у него самого имелись две ноги, и обе здоровые. Молодой венн подставил лицо ветру и подумал о том, что в открытом море на палубе будет, наверное, холодно. Что ж… Вряд ли много холодней, чем зимой в лесу во время падеры[8 - Падера – пурга, снежный вихрь.]. А её, падеру эту, они с Тороном не раз посрамляли.

Ещё ему вспомнилось, как, разговаривая с аррантом, он вновь покосился на мономатанский корабль… И увидел любопытную козу, выглядывавшую из тростниковой же круглой надстройки на палубе. Коза жевала лиственный веник и выглядела довольной, бодрой и нимало не удручённой жизнью на корабле. Закутанный в шубу мономатанец походя дотянулся и почесал ей лоб, коза доверчиво к нему потянулась… Может, Коренга всё-таки сделал ошибку? Может, чернокожие были сердечными и простыми людьми, уважавшими доброе зверьё, а их непривычная с виду лодья вовсе не собиралась разваливаться посреди моря?.. И Коренге следовало немедля забрать у Ириллира свои денежки, оставив несколько сребреников «за обиду», и со всех пёсьих лап и тележных колёс поспешать на мономатанское судно?..

Может. И даже наверное. Одна беда – родное племя Коренги славилось тем, что, ударив по рукам, от уговора не пятило.

– Назад из Фойрега непременно с мономатанцами поплыву, – хмуро пообещал он вслух то ли серому валуну, то ли ямке, которую только что закопал…

Торон, сопевший и царапавший что-то когтями на той стороне ледяного тороса, услышал слово «назад», громко фыркнул и проворно предстал перед хозяином. Коренга взял его на поводок и поехал обратно в город. Как бы то ни было, сказал он себе, корабль Ириллира, стылая палуба и прочие досады – это не навсегда. До столицы страны Нарлак всего четверо суток пути морем. Только-то. А там, в совсем уже чужедальней земле, чего доброго начнётся такое, что и сольвеннский Галирад родным домом покажется, и смешно будет вспомнить, как волновали его глупые пустяки вроде выбора правильного корабля!

И всё-таки он не мог отделаться от ощущения, что к его рассуждениям незримо прислушивалась сама Хозяйка Судеб. Прислушивалась, качала головой, усмехалась. А веретено в неутомимой руке плясало, кружилось, принимало только что выпряденную нить…

Глава 5

Вспомнить да улыбнуться

Ириллир собирался отправиться в путь назавтра, ближе к полудню, когда, по его словам, ветра и порождаемые луной токи морских приливов будут сочетаться благоприятней всего. В чём тут дело, Коренга не особенно понял, но размеренное дыхание моря, происходившее два раза в сутки, было замечено им и показалось величественным, и он решил, что многоопытный аррант, верно, знал, о чём говорил.

Между тем день едва успел приблизиться к середине, ещё далеко было даже до вечера, не говоря уже о завтрашнем полудне. Коренга решил немного посмотреть город. «Помни, зачем пустился в дорогу, но и по сторонам зорче оглядывайся! – наставляла его бабушка. – Вернёшься, нас, старых, дивными сказками позабавишь!»

Ему не понадобилось спрашивать дорогу, чтобы добраться до крома. Славная крепость, господствовавшая над Галирадом, и без того была видна отовсюду. Гроза врагам, а жителям города и окрестных земель – оплот и заступа. Коренга даже подождал некоторое время против раскрытых настежь ворот, думая ненароком увидеть государя кнеса или госпожу кнесинку, но те так и не показались. Может, в хоромах сидели, а может, выехали куда… Коренгу посетила отчаянная мысль спросить отроков, стоявших у ворот при оружии, дома ли славные правители города. Подумав, он счёл такой расспрос неподобным и, ещё чуть-чуть подождав, молча покатил дальше.

Часть улиц была застроена жилыми дворами. Там было тихо и чисто, но из-под любой калитки могла вылететь не в меру воинственная собака, почитающая «своим» не только двор за забором, но и улицу перед ним. Одни псы бешеным лаем провожали тележку и веннского кобеля, другие встречали. Нападать они не дерзали, но Коренге скоро надоел беспрестанный брёх, и он свернул назад к пристани, к торговым рядам.

Здесь было шумно, а под колёсами хрустела ореховая скорлупа. Зато улицы состояли из сплошных мастерских, зачастую посвящённых ремёслам, о которых слыхом не слыхивали в веннских лесах. Например, можно было увидеть вывеску

в виде белого развёрнутого листа и при нём – перо да чернильницу. Или нечто даже более диковинное, вроде резного изображения пышного кренделя, усыпанного орехами и маком… Коренга не первый день был в пути, успел насмотреться на погосты с их постоялыми дворами, где жизнь и достаток определялись числом проезжих гостей. И всё-таки не мог до конца привыкнуть к тому, что хлеб пекли не просто для себя, но ещё на продажу.

Как это – хлеб продавать?.. А вот люди продавали, и ничего, и не разверзались над ними гневные Небеса. И он, Коренга, тот хлеб покупал и ел, и тоже ничего, даже и живот узлом не скрутило…

Зачастую искусники работали прямо на виду. Возле каждого легко можно было просидеть весь остаток дня, зачарованно наблюдая. И конечно, почти при каждой мастерской тоже обитала собака, но здешние псы были мудрей визгливых шавок и одуревших на привязи цепняков, стороживших дворы. Они явно привыкли, что мимо день-деньской снуют самые разные люди. А с людьми – их четвероногие спутники. Каждого гонять начинать, это что же получится? И разбойники-псы мирно полёживали у хозяйских порогов, притворяясь, будто ничего кругом не видят, не слышат.

Коренга знал: любая лавочка здесь была такова, что, заглянув внутрь, непременно увидишь вещицу, с которой окажется невозможно расстаться. Как именно это происходит, он успел понять ещё по дороге сюда, бывая в людных селениях и беседуя с ремесленниками, надеющимися продать свой товар. До сих пор молодого венна выручала наследная нелюбовь его племени к принятию поспешных решений… и привычка мысленно оглядываться на оставшихся дома, заново вслушиваясь в наставления старших, подходящие к случаю.

Правду молвить, наставления были весьма противоречивого свойства. «Деньгам веди строгий счёт, – вразумлял дедушка. – Половину сразу отложи и храни свято: пригодится уплатить тому человеку. Да помни, что сперва тебе надлежит его отыскать. А после – вернуться назад…»

«Но и себя побаловать не забывай, – шептала мать, гладя русую голову первенца, которого, как она понимала, ей предстояло, может быть, проводить навсегда. – Серебро придёт и уйдёт, его могут украсть или неправдой выманить у тебя. А так хоть останется, о чём вспомнить да улыбнуться…»

Дедушкина мудрость, твёрдо хранимая в памяти, помогла Коренге миновать лавку горшечника, хотя миски и кружки, выставленные на продажу, были сплошь таковы, что снятое молоко, налитое в них, должно было сразу обернуться толстыми сливками, а крапивные щи – превратиться самое меньшее в густой мясной взвар. Почтенный гончар даже не нахваливал изделия своих рук. Он просто сидел за длинным дощатым столом, разрисовывая белую посуду зелёной, красной и голубой краской. Высохнет краска, потом побывает в печном жару… То-то весело будет по очереди запускать ложки в такую мису, выставленную на стол! «Домой привезу… – размечтался было Коренга. Вспомнил строгого дедушку и оборвал себя: – На обратном пути!»

Рядом располагалась мастерская гранильщика. Здесь торговали дивными самоцветами, сулившими оборону от недоброго глаза, от болезни и яда… и, между прочим, от опасностей дальней дороги. Эту лавку миновать оказалось проще. Рубаха Коренги была щедро снабжена вышивкой, сделанной материнской рукой. Из тела, облачённого в такую рубаху, поди-ка вытряхни душу. А под рубахой на груди покоились обереги, хранившие ещё прапрадеда. И оттого Коренга не особенно верил в дивную благую силу камней, покупаемых у чужих людей на торгу.

Далее прямо на улице стояла палатка торговца пряностями. Запахи она источала всё такие, что Торон замотал головой и несколько раз смачно чихнул, а сам Коренга подумал: если приправы соответствовали своим ароматам, с ними можно было уплетать за обе щёки опилки. Его племя любило сдабривать пищу укропом, купырьем да шаружником[9 - Купырье, шаружник – народные названия пряных трав: петрушки и базилика.]; вот бы привезти домой по горстке всего, что благоухало в палатке, и пусть бы мать позабавилась, разбираясь, что лучше подойдёт к тушёному зайцу, что добавит вкусу квашеным груздям, а что – медовому тесту…

От таких мыслей у Коренги заворчало в животе, он понял, что здорово проголодался. А тут ещё из палатки, сопровождая разборчивого покупателя, вышел сам продавец. Вместе они высыпали щепоточку чего-то чёрного в небольшую склянку с водой, покупатель с силой взболтал помутневшую смесь, долго нюхал её, рассматривал на свет, даже вылил немного себе на ладонь… И наконец довольно кивнул и направился обратно в палатку, видимо убедившись: товар не подделка, душистые крупинки вправду намолоты из заморского ореха, а не скатаны за углом из глины с отрубями и маслом. Коренга поймал себя на том, что придерживает пса, собираясь последовать за покупателем пряностей…

И вновь сурово усмирил несвоевременное желание: «На обратном пути!»

Кобель ретиво повлёк его дальше, радуясь избавлению от немыслимых запахов… И вот тут Коренга резко дёрнул поводок, останавливая тележку. Потому что неподалёку от палатки, возле глухой длинной стены какого-то дома, стоял простой деревянный прилавок, а на нём…

Вот это и называлось – попался.

Бродил, значит, бродил себе по торговым улицам и рядам и думал уже, будто все искушения одолел. И вот – на тебе пожалуйста. Такое, мимо чего пройти ну никак невозможно.

На прилавке ровными рядами, корешками вверх, лежали книги. Самые настоящие книги. Десятка два разных. А может, даже целых три…

За прилавком на деревянной скамеечке сидел пожилой осанистый продавец. И разумеется, тоже читал книгу. Читал, не водя пальцем по строкам, даже губами не шевеля… И временами весело улыбался чему-то.

Читать Коренгу приохотил тот же купец, что выучил его худо-бедно изъясняться на чужих языках. Приохотил, понятия не имея, что грамота перевернёт всю жизнь нечаянного ученика и в итоге отправит его за тридевять земель в это самое путешествие. И сделала это одна-единственная книга, которую до сих пор Коренге довелось держать на коленях. Книжка-всезнайка[10 - Книжка-всезнайка – энциклопедия.] о разных чудесах, постигнутых мудрецами ближних и дальних земель… Ну и написанная, само собой, наиглавнейшим мудрецом среди прочих.

Коренге было известно со слов соплеменника, что книг на свете, вообще-то, превеликое множество, что повествуют они каждая о своём… и к тому же порой различаются между собою не меньше, чем добрый мёд, собранный с донниковых лугов, – и сладенькая кашица, которую вороватые торговцы порой всучивают людям, не знающим толку. То есть умом он всё это понимал… И тем не менее замер, не в силах отвести взгляд от прилавка, покоившего, как ему казалось в это мгновение, все тайны Вселенной.

Он даже удивился про себя тому, что люди – галирадцы и приезжие – шли себе мимо, кто мельком взглядывая на лоток, кто вовсе не обращая внимания…

вместо того чтобы, отталкивая друг дружку, наперебой устремиться к сокровищам, выставленным на продажу… Как он, Коренга, непременно поступил бы, будь у него денег в изобилии… да побольше места в тележке…

…Какое там – если бы он хоть просто стоял, как все они, на прямых, длинных и сильных ногах и мог, как любой из них, свободно заглянуть на этот самый прилавок. Находившийся, так уж оно получалось, примерно на высоте его носа…

– Воистину, в добрый час ты сюда пожаловал, друг мой.

Коренга даже не сразу сообразил, что торговец закрыл книгу, которую читал, и обращается к нему. А тот, похоже, успел вполне оценить и хитроумную тележку молодого венна, и его жгучее любопытство.

– Я вижу, – продолжал он, – ты из тех, кто восполняет телесную скорбь деятельной работой ума. Поведай же мне, что тебя влечёт сильнее всего, и я отвечу, есть ли у меня книги об этом. Может быть, тебя занимает устроение полезных механизмов? А может, тебе покажутся небезынтересными разыскания достославных умельцев, посвятивших свои дни укрощению и обучению всяческого зверья? Или, как человек путешествующий, ты любишь читать о дальних и диковинных странах?

Он знал, как болезненно обидчивы бывают увечные. И оттого не стал предлагать Коренге лечебники, в изобилии имевшиеся на прилавке. Коренга же так разволновался, что не сразу сумел вымолвить разумное слово в ответ.

– Мне бы… о том, как птицы летают, – выдохнул он наконец, забыв учтиво поздороваться, торопясь и мало не помирая от страха, что чудесный лоток вот сейчас вдруг развеется в воздухе и пропадёт, точно полуденный морок. – И ещё… про звёзды.

– Птицы, птицы. – Книготорговец привстал, оглядывая прилавок, потом протянул руку. Коренга замер в сладком предвкушении, равного которому он, кажется, в своей жизни ещё не испытывал – ну, разве когда отец посадил его в эту самую тележку и колёса примяли траву, впервые стронувшись с места. – Вот, держи, друг мой. Здесь немало рассказывается о перелётах различных птиц и о том, какая в какой стране проводит лето и зиму.

Коренга отчаянно покраснел.

– Прости, уважаемый, я неправильно объяснил. Мне бы о том… ну… как они крыльями машут и в воздухе держатся.

– Таких у меня нет, – покачал головой галирадец. – И, будучи человеком вполне осведомлённым в том, чем занимаюсь, я даже не слыхал о подобных, так что, наверное, они ещё не написаны. А что до звёзд… Ты желаешь разобраться в искусстве предсказания судеб – или узнать нечто полезное для мореходов и иных странствующих в ночи?

– Для странствующих… в ночи, – окончательно смутившись, выдавил Коренга.

Его беспокойство передалось псу, Торон оглянулся, потом подошёл и встал рядом с хозяином – никому не грозя, просто на случай, если начнёт кто обижать. Коренга беспамятным движением положил руку на мохнатую холку, успокаивая любимца.

Между тем торговец вытянул из невидимого калеке ряда книгу толщиной примерно в два пальца, одетую, точно в дорогой кафтан, в нарядную тёмно-синюю кожаную обложку.

– Вот, – пояснил он, явно довольный. – Эта книга, «Праведное звездословие», попала ко мне совсем недавно, так что сам я её ещё не прочёл. Знаю только, что её написал один из учёнейших сынов просвещённой Аррантиады, посвятивший немало трудов столь разным областям знания, как течение рек и происхождение подземных пещер. Теперь же, говорят, он предался важнейшему свершению своей жизни, оправдывая давным-давно полученное прозвание: Кимнот Звездознатец. В краткой записке, предваряющей книгу, он сулится поведать о расположении созвездий и отдельных светил, привести забытые и новые имена каждого, объяснить свойства звёзд и законы их движения по небесному своду…

Года три назад младшая ребятня вывезла Коренгу за околицу покататься на саночках. Один за другим мальчишки пускались с высокой горы над рекой, вопя от восторга и от страха, спрятанного за восторгом, а он сидел наверху, закутанный в тёплую шубу, и смотрел на веселье со стороны. Потом случилось то, что неминуемо должно было случиться. Он терпеливо дождался, когда ребята умаются влезать обратно на кручу и отвлекутся, затеют кидаться

снежками. Неловко взгромоздился на оставленные кем-то санки… и оттолкнулся что было силы ладонями в рукавицах – вниз, вниз, пока не схватились!.. И лишь запоздало сообразил, что у всех, кроме него, было по паре сильных ног, способных направлять бег санок и замедлять его, не давая становиться опасным. Он на всю жизнь запомнил тот неостановимый полёт по ледяной крутизне, визг полозьев, прерывавшийся, когда санки вправду взлетали на каком-нибудь бугорке… странно спокойную мысль о погибели, вероятно ожидавшей внизу… и – главенствующее надо всем – острое, точно боль, ощущение, что от него ничего уже не зависит.

Мог ли он предполагать, что это чувство подстережёт его в таком чинном, пристойном и вроде бы далёком от безумных забав месте, как торговая улица стольного Галирада! Да ещё у прилавка, где торговали – добро бы хмельным вином или заморским дурманом, а то – умными книгами!..

К его чести надо заметить, что он всё же попытался остановиться. Как-то ведь он жил до сих пор и без книги этого Кимнота, и ничего, и звёзды исправно водили его зимними ночами по лесу, знать не зная о разных именах и толкованиях, что давали им где-то за морем!..

Что поделаешь, видно, три минувших года не пошли ему впрок. Голос рассудка, как и тогда, прозвучал слабо и неуверенно и скоро затих. Коренга сказал себе, что в путешествии до Фойрега Торон, без сомнения, ни разу никого не укусит и подавно не запачкает палубу, а значит Ириллир по прибытии вернёт ему немалые деньги… – как же может быть, чтобы не вернул? Непременно вернёт! И он спросил, постаравшись, чтобы голос не слишком заметно дрожал:

– Сколько она стоит, почтенный?

Ко всем известной харчевнице Любочаде, у которой любили останавливаться венны, Коренга не поехал. Были у него на то свои причины, о которых он стал бы правдиво рассказывать, пожалуй только спасаясь от смерти, и здесь речь не о них. Назавтра он ни в коем случае не собирался спать до полудня, так что вроде бы мог не бояться упустить корабль Ириллира, тем не менее удаляться от причалов ему совсем не хотелось. Поэтому он заранее – ещё когда выбирал судно для путешествия – присмотрел заведение возле самого берега. Оно было украшено вывеской в виде парусной лодки, в которую двое рыбаков затаскивали

отягощённую сеть, и называлось, сколько он понял, «Утренний улов».

И теперь Коренга направился прямо туда, справедливо решив, что приключений и сумасбродств на сегодня довольно. Название харчевни, помимо прочего, сулило еду из диковинных морских тварей. Он отведает этой еды и завалится спать. Может, даже и книгу, надёжно спрятанную в ногах, успеет открыть…

Он уже принюхивался к действительно чудесным запахам, доносившимся из открытых настежь дверей, когда его отвлёк голос зазывалы, надрывавшегося возле одной из палаток.

– Живое узорочье![11 - Узорочье – дорогая, разукрашенная узорами вещь.] Живое узорочье! – бойко и весело выкликал горластый парнишка. Коренга, привыкший без конца сравнивать себя с другими людьми, сразу подумал, что у него уж точно не получилось бы так громко кричать. – Всего четверть сребреника, любезные, и вы увидите живое узорочье! Человека из далёкой страны, где у людей вместо родинок на коже сами собой проступают неведомые письмена! Всего четверть сребреника, любезные! И десять сребреников – тому, кто сумеет хоть что-нибудь разгадать!

Ещё утром Коренга задохнулся бы от ужаса при мысли о растрате полновесного четвертака – цены дневного пропитания – ради удовлетворения бездельного любопытства. Недопустимая роскошь. Особенно в самом начале пути, когда следует беречь каждый грошик на случай непредвиденных обстоятельств, могущих разразиться назавтра!

Но то было утром. Теперь плата за погляд показалась молодому венну совершенно ничтожной по сравнению с теми деньгами, что он отвалил за книгу о звёздах. «Да будь что будет! – мысленно махнул он рукой. – Семь бед – один ответ!»

И обратился к горожанину, как раз выходившему из палатки:

– Скажи, добрый господин мой, ведь ты уже там побывал…

– Эге, чего захотел! – Галирадец отрицательным жестом выставил развёрнутую ладонь. – Заплати денежку да сам и смотри, а я тебе задарма не рассказчик!

Это было обидно и несправедливо, и Коренга ответил:

– Я как раз собирался заплатить и взглянуть. А у тебя хотел только спросить, сможет ли туда моя тележка проехать.

Сольвенн окинул Коренгу взглядом и вдруг захохотал:

– Да тебя, ка?женика[12 - Ка?женик – калека, изуродованный, «искажённый» человек.], впору самого за деньги показывать!..

Венн пожал плечами.

– Есть люди, – проговорил он, – взглянуть на которых приезжают издалека, хотя бы ради их телесного безобразия. А есть и другие, которые даже и с придачей никому вокруг не нужны.

Сколько он видел мужиков вроде этого сольвенна, все они были похожи в одном. На какое-нибудь доброе и полезное дело их медленный разум раскачивался неповоротливо и неохотно. Зато обиду, вольную или невольную, эти люди чуяли за версту. И в драку лезли немедля. И меньше всего памятовали при этом, что первыми затеяли ссору.

– Да я тебя!.. – задохнулся галирадец, подаваясь вперёд.

Рука Коренги мгновенно нырнула под переднюю крышку тележки, к правой ноге… Торон уже стоял рядом, неприветливо поглядывая на задиру. На счастье, тот был не один, но с приятелем – то ли от природы более здравым, то ли просто меньше выпившим пива. Этому приятелю явно не улыбалось извлекать забияку из зубов лесного волкодава. Он сумел перехватить дружка и как-то увести его прочь. Проделал он это тихо и ловко, похоже, не в первый раз. Коренга разжал пальцы, выпуская схваченный было кожаный ремешок. Он часто дышал, сердце сильно билось в груди. Ему было стыдно. Хорош храбрец, который только и способен проявлять свою храбрость, пока заступник рядом стоит!.. Коренга покосился на Торона. Мало того что, едва прибыв в Галирад, он страшные деньги ухнул за книгу, никоим образом цель его путешествия не приближавшую. Деньги, в конце концов, как ушли, так и обратно придут; в Нарлаке он либо обойдётся без них, как веками обходился его народ, либо заработает… хотя бы и показывая на торгу, на что в действительности способен безногий калека! А вот

то, что ради возможности колупнуть скудного разумом сольвенна он мало не прозакладывал своё главное, ни в каких деньгах не исчисляемое богатство… Своего побратима…

Это ему навряд ли простится.

Надо ли объяснять, что смотреть на «живое узорочье» Коренге решительно расхотелось. А то не знал он, что на свете есть люди, ещё более, чем он сам, искажённые жизненным злосчастьем или чьей-то жестокостью! Он проехал мимо палатки и весёлого зазывалы, лишнего раза в ту сторону не посмотрев. Прав был дедушка. Деньгам следовало вести строгий учёт.

Глава 6

Стряпуха и вышибала

При дверях «Утреннего улова» стоял вышибала. Что тут поделаешь! Всякое место, где незнакомые друг с другом люди сходятся за едой и, главное, за питьём, нуждается в особом человеке, на которого возложен порядок. И лучше, если наружность у этого человека будет такая, чтобы неумеренные пьянчужки и буйные любители потасовок сразу сворачивали в сторонку. Вышибала «Утреннего улова» был не слишком высокого роста, зато необъятен в плечах и груди, и чувствовалось, что вовсе не сало распирало на нём полушубок. К тому же судьба наградила его нижней челюстью, слегка выступавшей вперёд верхней. Вкупе с нахмуренными бровями это могло у кого угодно отбить охоту идти безобразничать именно сюда. Вышибала ещё и стриг волосы с бородой весьма коротко, явно затем, чтобы не сгрёб пятернёй озлобленный враг. Колючая щетина не только не скрывала свирепого подбородка, но, напротив, подчёркивала. Как тут не оробеть?.. Впрочем, Коренга заметил одобрительный взгляд, вроде брошенный суровым стражем на его пса. И на всякий случай решил испытать сольвенна примерно так, как у него дома от века испытывали явившегося в избу жениха. Это делалось просто. Коренга подъехал на тележке вплотную – и не стал одёргивать любознательного Торона, когда тот потянулся обнюхать сапоги вышибалы, а потом и его руку.

Он не ошибся. Неприступный с виду дядька сразу заулыбался, подставляя собачьему носу ладонь.

– Что, малыш, моей пахнет?.. Нюхай, нюхай, не жалко… – И пояснил уже для Коренги: – Только взял сучонку трёхмесячную. Подрастёт, помощницей будет… Твоего удальца как звать-то?

Такова людская природа. Ценитель собак обязательно спросит другого охотника[13 - Охотник – здесь: знаток и любитель.] об имени питомца, хотя сам заранее знает, что истинного имени ему, конечно же, не откроют.

– Звягой[14 - Звяга – кто лает, пустолайка.] зову, добрый господин мой, как же ещё его звать, – привычно соврал молодой венн. – А скажи, сделай милость, найдётся ли при этой славной харчевне какой-нибудь дворик, где сидят гости, приверженные вольному воздуху, и откуда ты не погонишь путешествующего с собакой?

Ибо дверь «Утреннего улова» была снабжена, по обыкновению всякой двери, порожком. Не в локоть высотой, как в правильной веннской избе, а всего в пядь, чтобы легко перешагивали даже отягощённые пищей и пивом… Но и пядь была одолима для маленьких колёс только при последней нужде. Вышибала нахмурился было, но после мгновенного недоумения всё понял. Правду люди говорят: кому и понимать нужды увечного, если не опытному бойцу!

– Заверни за угол, увидишь ворота, – указал он рукой. – Заезжай смело, я к тебе девку пришлю.

Такой дворик есть примета харчевни, которая славится отменной готовкой, а рачительный хозяин не желает упускать гостей из-за тесноты под своим кровом. Коренга осторожно миновал ворота и оказался в чистой маленькой выгородке, замощённой, ради изгнания сырости, горбылями. Здесь стоял длинный струганый стол и при нём – прочные скамьи, сделанные из половинок бревна и гладких тёсаных пней.

– Э-э! С псиной куда!.. – сразу заворчал на Коренгу один из мужчин, стучавших ложками за столом.

– Мне страж здешний позволил, – негромко ответил молодой венн. Впрочем, больше ни с кем сегодня ссориться он не хотел и уже готов был развернуться, чтобы купить себе на торгу простокваши да пирожков… когда за него неожиданно заступились.

– Вечно ты, Кухта, всем недоволен, – подал голос другой сольвенн, помоложе. Он был очень крепок телом и широкоплеч, один глаз скрывала кожаная повязка, да и вторым он видел, судя по всему, еле-еле. Рядом с ним сидели друзья, он выглядел уважаемым и известным. – Чем тебе собака не угодила? Не в мису же к тебе морду суёт. А парню без неё никуда, она его тележку таскает. Что ему теперь, на улице хлеб жевать?

«Каков ни будь урод, а хлеб несёт в рот…» – вспомнилось Коренге.

Названный Кухтой буркнул что-то и продолжал есть, глядя в сторону. То ли спорить не захотел, то ли усовестился.

– И собака-то, сразу видно, вежливая, мирная, не кусается, – добавил кто-то из друзей одноглазого.

Ждать, пока грозный охранник выполнит обещание, пришлось недолго. Коренга только-только устроился и огляделся, когда бухнула боковая дверь харчевни и наружу выскочила стряпуха. Это была кудрявая девчонка помоложе самого Коренги, лет пятнадцати, а может, четырнадцати. Потеплевшее солнце уже успело от души нацеловать её, украсив нос и щёки веснушками. И выскочила она во дворик очень по-девчоночьи – чуть не спиной вперёд, ещё оглядываясь и продолжая весело болтать с кем-то, оставшимся внутри. А поскольку Коренга, не желая утруждать добрых людей пустой беготнёй, устроился возле самой этой двери, она и налетела не глядючи прямо на Торона. И, кажется, даже не поняла в первый миг, во что ткнулась коленками, – в такое мягкое, тёплое да пушистое.

– Ой! – пискнула она затем, глаза сделались круглые, а из рук выпала меховая безрукавка, захваченная с собой.

Коренга не стал дожидаться, пока девушка испугается по-настоящему.

– Не сердись, добрая красавица, пёсик не тронет, – заверил он поспешно. – Он ласковый у меня. И умница. И лапку даёт…

Понятливый кобель сразу протянул юной стряпухе широченную мохнатую лапу. При этом он улыбался во все сорок два зуба, как бы говоря: «Да что ты, в самом деле, сестрёнка! Никто в мыслях не держал тебе обиду чинить…»

Одноглазый и его друзья засмеялись, погодя хмыкнул даже Кухта.

Девушка не без робости приняла тяжёлую когтистую пятерню… Тут же разом перестала бояться и живо присела на корточки – почесать кобелю шею. Торон, чья голова оказалась изрядно повыше её лица, немедленно обнюхал и со вкусом облизал её пальцы, пахнувшие съестным, окончательно закрепляя знакомство. Впрочем, когда рука девушки ненароком коснулась было попонки – кобель легко отстранился.

– И на это не сердись, милая, – сказал Коренга. – Так уж приучен. Там, по зепям[15 - Зепь – сумочка, кармашек.], добро всякое, да и деньги лежат… Никто чтобы не касался.

Она понимающе покивала, в полном восторге глядя на могучего и, оказывается, такого дружелюбного пса. Потом тряхнула рыжеватыми кудрями и словно вспомнила, зачем выбежала во двор:

– А тебе, гость желанный, чего принести-то?

– Мне, – сказал Коренга, – позволь отведать какой-нибудь рыбки, что любят у вас, на морском берегу, а в наших лесах не найдёшь. – И смущённо улыбнулся: – Только, сделай милость, мисочку поменьше возьми, а то кабы мне, слабосильному, не облакомиться! Ну и для пёсика, если найдётся, каши вчерашней… или там котёл вылизать… И если туда случайно ещё косточка какая завалится… Ты только не думай, я к тебе не за милостью, сколько скажешь, столько и заплачу!

Девчонка хихикнула так, словно они с Коренгой только что сговорились подсунуть соседским пчёлам пьяного мёду. Вскочила на резвые ножки – и унеслась обратно в хоромину, только мелькнули пятки в опрятных кожаных башмачках. Молодой венн остался опять ждать.

За время пути он успел пообвыкнуться и перестал удивляться диковинному обычаю таких вот страннoприимных харчевен. Отправляясь из дому, он представлял себе большие столы и огромные мисы, из которых в очередь черпают ложками степенные гости, а стряпухи подкладывают и подливают, чтобы не скудела еда… Всё, конечно же, оказалось не так, всяк здесь сидел сам по себе и хлебал своё, и вареи несли каждому разное, кто чего пожелал.

И есть таким образом, пробуя новую пищу, было удивительно и занятно. И было бы совсем хорошо, если бы живот Коренги умел справиться со всем, что поглощали уста.

Снова бухнула дверь. Он вскинул глаза, ожидая увидеть стряпуху, даже успел рассудить про себя, что больно уж скоро она вороча?ется. Но увидел совсем не стряпуху. Во дворик, сдувая пену с большой кружки пива, вышел дородный сольвенн. Тот самый, которого обчистили на торгу. Кажется, после нерадостного происшествия он надумал утешиться доброй едой, до которой выглядел несомненным охотником, и в ещё большей степени – выпивкой. И, вспотев за столом, вышел с последней кружкой наружу.

Коренга окончательно понял, что устроился не на месте, потому что галирадец, как и девчонка, тоже не смотрел ни под ноги, ни по сторонам, и, смачно дунув – а как же иначе! – сшиб толстый клок пены прямо на морду Торону.

Пёс мигом вскочил и, фыркнув, отпрыгнул, мужчина же от неожиданности шарахнулся так, что пиво из кружки выплеснулось ему на нарядную суконную свиту. Сольвенн принялся ругаться, вытирая и отряхивая одежду. Потом огляделся и сразу определил, кто был во всём виноват.

Коренга уже открывал рот, чтобы извиниться за неуклюжесть, за то, что попал доброму человеку под ноги… не успел.

– Ты!.. – взревел сольвенн. – Чтобы я сей же миг тебя тут не видал! И блохастого твоего! А ну, вон отсюда пошёл!

И вконец расплескал кружку, размашисто указав на распахнутые ворота. За воротами, привлечённые криком, начали останавливаться люди.

– Ох, прости, государь кнес, не признал я тебя. – Коренга как мог согнулся в поклоне, шаркнув рукой по опрятно выметенным горбылям. – В лесу живём, лица твоего светлого не видали…

– Чего? – изумился галирадец. – Какой-какой я тебе кнес?..

Во дворе и на улице начали понемногу смеяться.

– Ну не кнесинка же, – смиренно ответствовал Коренга. – А то кто, кроме кнеса да кнесинки, в этом городе решает, кому где ходить, не ходить?

– Да я… – Побагровевший от крика сольвенн сделался вовсе свекольным. Он даже сделал шаг, но Торон уже стоял между ним и хозяином. Стоял молча, не щерился и не рычал, лишь чуть подрагивали чёрные губы да в глазах тлел огонёк. Пришлось гневливому горожанину ограничиться тяжкими речами: – Понаехало вас тут… всяких! С ворами на торгу сговариваетесь! Один, значит, мошну с пояса режет, а другой собаку вслед пустить отказывается?

Коренга хотел было съязвить, поинтересовавшись, с каких это пор в торговом Галираде не рады приезжим, а стало быть, их товару и деньгам… не сказал и правильно сделал. Он выразился иначе:

– Прости, господин мой, но если бы у тебя птица шапку с головы унесла, я и с ней в сговоре был бы?

Любопытного народу в воротах собралось уже предостаточно, а из двери харчевни выглянул вышибала. И сразу стало понятно, что хлеб он свой не даром жевал. Он подошёл и взял обворованного за плечо.

– Кружечку ты, Шанява, гляжу, расплескал… Пошли, новую тебе нальём, да расскажешь мне, что там у тебя вышло.

Коренга про себя рассудил, что прозвище Шаняве досталось справедливое. Во всяком случае, по-веннски это слово означало раззяву. Племя Коренги чтило свой язык древней родственного сольвеннского; может, жители Галирада запамятовали иные значения? Или придали старым словам другой смысл?..

Так или иначе, Шанява зло махнул на венна рукой и ушёл следом за вышибалой, и Коренга вздохнул с облегчением.

Глава 7

«Атата!»

Смешливая девочка принесла ему не маленькую миску, как он просил, а изрядное деревянное блюдо. Коренга сперва пришёл в ужас, живо представив, что сейчас неминуемо съест всё и потом будет маяться брюхом, – но увидел, что на блюде отдельными горками лежали небольшие кусочки, взятые от рыбы разных пород и по-разному приготовленные.

– Вот палтус, он солёный, ты его пивом запей, – посоветовала кудрявая стряпуха. – А это рыбка баламут, мы её пластаем, с яйцом и сыром заворачиваем да так и печём. А тут – морской острец[16 - Рыбка баламут… морской острец – скумбрия и морской окунь.], под гнётом с луком и сметаной пожаренный…

Запах над блюдом поднимался такой, что Коренга мало не захлебнулся слюной. Торон принюхался и тоскливо отвернул голову: хозяин ест – негоже в рот заглядывать. Страдал он, впрочем, недолго. Ему вынесли целое корытце гречневой каши, сдобренной всякими мясными остатками. Довольный пёс зачавкал и заурчал. Коренга рассчитывал как следует выгулять его перед отплытием. И потом уже до Фойрега не кормить.

Девчушка, у которой, видно, выдалась передышка в трудах, присела рядом. Надо же присмотреть, всё ли окажется вкусно и не попросит ли гость добавки, чтобы немедля её принести!

Он не попросил, хоть жадность и требовала.

– А ты по делу здесь? – спросила она, когда Коренга дожевал последний кусок и хлебом подобрал с блюда подливу. – Или родственников навещаешь?

Почему-то её любопытство не показалось ему обидным, и он похвастался:

– Я отсюда на аррантском корабле поплыву за море, в город Фойрег.

Она удивилась:

– А что тебе там, у нарлаков?..

Коренга как раз думал о том, до чего, наверное, славно было бы путешествовать вместе с ней, такой смешливой и неугомонной. Поговоришь с такой, поболтаешь – и как солнышко в душу глянуло. Разводить перед ней турусы[17 - Турусы – враньё, вздор.] Коренге не хотелось. Распоследнее это дело – женщине лгать. Но на сей счёт у него имелся сугубый материнский наказ, возбранявший сторонним людям знать правду. Наказ мудрый и справедливый, ибо речь шла о чести целого рода. Однако люди – известное дело, на всякий роток не накинешь платок – знай спрашивали да спрашивали. А когда тебя спрашивают – ври как угодно, но не молчи, иначе обидятся. Так что Коренга волей-неволей солгал раз, другой… и за время дальней дороги даже начал получать от этого удовольствие. Придумывал очередную небывальщину и словно приоткрывал дверь в какую-то иную жизнь, которую при других обстоятельствах мог бы прожить, но вот не довелось.

Одного жаль: во всех этих вымышленных жизнях он так и оставался безногим.

Для начала он таинственно огляделся по сторонам.

– Знай же, – сказал он. – Еду я избывать срам неизбывный…

– Срам? – шёпотом всполошилась она. – Да как же это?

– Два года назад, – принялся он рассказывать, – у нас дома прослышали, что в соседнем роду подросла девушка-славница, новая невеста. И отправились мы с моим батюшкой просить у той славницы для меня бус…

Если басенка[18 - Басенка, баснь – рассказ о вымышленном событии, в противоположность «сказке» – реальной истории.] придётся по душе милой девчушке, она, может быть, спросит, как его звать, и станет он для неё уже не просто очередным «гостем желанным» без имени и лица. Отныне он будет настоящим добрым знакомцем. Полудру?жьем, которого она сможет время от

времени вспоминать. И признать, когда он вернётся. А уж если в ответ и она пожелает сказать ему, как зовут её люди, это прозвание он увезёт с собой, словно награду…

От приятных размышлений Коренгу отвлёк хриплый лай, близившийся по улице. Он оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть всё того же Шаняву, входившего в распахнутые ворота. Дородный сольвенн вёл на верёвке здоровущего пса, не иначе взятого прямо с цепи… на которой, судя по кривоватым задним ногам, зверюга так отродясь и сидел. То есть ещё кто из двоих кого вёл. Кобель рвался вперёд, с рыком прядал вправо и влево, распугивая народ, Шанява едва его сдерживал и шёл слишком быстро для себя, чуть ли не вприпрыжку бежал. Провожаемый сердитыми криками прохожих, он стремился во дворик «Утреннего улова». Цепняк между тем завидел соперника и, свирепо хрипя, давился в ошейнике, отросшие когти выдирали щепки из мостовой.

Кухта сразу вскочил, подхватил мису с недоеденным хлёбовом[19 - Хлёбово – горячая жидкая пища.] и кинулся в дверь. Благо та была близко. Торон уже стоял на ногах, выпрямившись и насторожив уши, хвост воинственно гулял туда-сюда.

– Цыц! – коротко приказал Коренга.

Кобель так же коротко покосился на него, словно кивнув: дескать, слышу, хозяин…

…А дальше всё произошло гораздо быстрей, чем можно про то рассказать.

Юная стряпуха подхватилась на ноги и, раскидывая руки, бесстрашно побежала навстречу Шаняве.

– Ты куда? Держи его, держи, подерутся ведь!..

Знать бы ей, что Шанява именно за этим сюда и пожаловал. Злой пёс на неё большого внимания не обратил. Зато Шанява с разлёту не то ударил, не то оттолкнул:

– Ты-то, дура, прочь с дороги пошла…

Силы в дородном мужике было немерено, а и много ли её надо против девчушки? Отлетела, с глухим стуком ударилась головой о забор.

И сползла, подломившись в коленках.

– Атата?!.. – не своим голосом послал пса Коренга.

Торон с места прыгнул прямо к руке, нанёсшей удар. Прыгнул, вообще-то, гораздо быстрее и дальше, чем положено самой проворной собаке, и попонка странновато встопорщилась на его боках и спине… Но этого в общем переполохе никто не заметил. А полмига спустя уже Шанява взвыл не по-людски. Кобель снёс его с ног, шарахнув челюстями поперёк вскинутого локтя. И отскочил, побрезговав добивать: этот, мол, больше не опасен, другие враги где?..

Других врагов не было. Пёс Шанявы оказался сметливей хозяина. Он заметил всё то, что ускользнуло от косного внимания людей. И в отличие от них понял, на кого напоролся. И теперь улепётывал, завернув хвост под впалое брюхо и не разбирая дороги. Куда? А куда глаза глядят, лишь бы подальше. Сольвеннские волкодавы отличались наглостью и бесстрашием в драке; было только одно существо, от которого они удирали не помня себя и не почитали это позором… Но никто не сделал выводов из цепнякова бегства, разве что Коренга, но и ему было не до того. Коренга что было силы толкал рычаги тележки, торопясь к упавшей стряпухе. Подле неё уже стоял на коленях одноглазый, бережно гладил по голове.

– Как ты, сестрёнка?

Девушка не отвечала. На её лоб из-под волос быстрыми каплями скатывалась кровь. Через дворик к ним бежал вышибала. Он выглянул на шум, как требовал долг его ремесла, и всё видел. Вот только поделать ничего не успел.

Углядев его перекошенное лицо, Коренга было решил, что грозный дядька сейчас ка-ак задаст хорошего пинка либо ему, либо Торону… Ошибся. Колючебородый сгрёб юную стряпуху на руки, прижал к сердцу, принялся целовать:

– Дитятко, солнышко моё, очнись, глазки открой…

Голос дрожал и срывался. Девочка в самом деле встрепенулась, приходя в себя, обхватила его руками за шею и жалобно, по-детски, заплакала.

– Батюшка…

Шанява сидел на мостках и уже не кричал, а тихо выл, хватая здоровой пятернёй воздух около напитанного кровью рукава и не решаясь притронуться. Судя по тому, как свисала от локтя рука в том рукаве, пользоваться ею Шаняве доведётся не скоро.

– Ты, заморыш!.. – рыча и плача, выдавил он сквозь зубы и даже попытался подняться. – За мою, значит, обиду поскаредничал собаку спустить!.. А за девку никчёмную – сам свирющего[20 - Свирющий – свирепый.] натравил?!

– Я-то заморыш, – кивнул Коренга. – А вот ты моему псу ещё спасибо скажи, что он тебя закладышем[21 - Закладыш – «кладеный», кастрированный самец.] не оставил! Потому что она была ко мне приветлива и добра! А ты – касть![22 - Касть – паскуда, дрянной человек.]

«А не было бы Торона рядом, я тебя сам бы убил. Совсем убил бы! Я тебе не пёс – миловать не горазд! И даже на то, что мы с тобой вроде как разговаривали, не посмотрел бы…»

– Стражу позвать надо, – сказал одноглазый.

– А на что? Дело ясное, – отозвался его друг. Он стоял за спиной у Шанявы, готовый ухватить за шиворот, буде тот не так ворохнётся. Он посетовал: – Морду набить бы, да мохнатый уже сполна наказал.

– Ясное-то ясное, а ты всё равно сходи, – сказал одноглазый. – Да хорошо бы старшину какого привёл, пускай поглядит. А то знаю я его, вечно ему все кругом виноваты. Начнёт жаловаться: среди дня ни про что собаками затравили…

Глава 8

Вспоминай Медву да Буркуна

Когда оказалось, что вышибала был вовсе не вышибала, а почтенный хозяин «Утреннего улова», Коренга окончательно почувствовал себя дураком. Пнём лесным неотёсанным, не знающим того, о чём всему городу было известно. Хозяин и жил здесь же, при харчевне. Он отнёс дочку домой, а когда ушли стражники и взашей вытолкали за ворота Шаняву – присел подле Коренги.

– Ты, парень, где ночевать собирался?

– Ну-у… – замялся молодой венн. – «Чаграва»-то в полдень назавтра… Думал у тебя попроситься… Тут, во дворике. Мне места много не надо…

Хозяин задумчиво покивал, потом сказал ему:

– Пойдём, на корабль провожу.

– Это из-за Шанявы? – хмуро спросил Коренга. – Если я буду спать здесь, он может вернуться?

Харчевник усмехнулся.

– Шаняву этого мои ребята сквозь сито просеют и рыбам скормят… Нет, парень. Просто слышал я кое-что про твоего Ириллира… Если он с рассветом парусов не поднимет, значит я с ума уже сбрёл.

– Да как же!.. – ахнул Коренга. – Я заплатил ему! За обоих за нас!..

– Вот и плохо, что заплатил. Ему чужая душа дешевле гроша. Такому вперёд деньги давать – что выбрасывать. Только после, когда сделает, что посулился, а ты удостоверишься, хороша ли работа.

– Да разве ж так можно… – Коренга всё никак не мог переварить услышанное. – Не по совести это!

– А очень даже по совести, – усмехнулся харчевник. – Ты ему сам заплатил, сам и на корабль опоздал. Он вернётся через полгода, станет на торгу спрашивать: где, мол, тот малый в тележке? Хочу деньги вернуть…

Коренга зябко повёл плечами. До сих пор его, кажется, не пытались обирать и обманывать. Может, везло, люди всё совестливые попадались? Жалели калеку?

– Ладно, – сказал хозяин «Утреннего улова» и прихлопнул ладонями по коленям, поднимаясь со скамьи. – Пошли, провожу. Так оно верней будет.

Коренга усомнился:

– А пустит?

– Ещё как пустит. Купил место – право имеешь.

Наслушавшись харчевника, молодой венн уже ждал, что при виде его Ириллир самое меньшее покривится. А может, и ещё более явно выскажет своё недовольство: не удалось денежки прикарманить!.. Однако ошибся. Аррантский купец встретил его с полным радушием. Должно быть, не терял надежды, что пёс всё же кого-нибудь покусает или осрамится дорогой. Так или иначе, скоро Коренга устраивался на палубе «Чагравы», с удивлением поглядывая на садившееся солнце. Ему-то казалось, только что миновал полдень, а вот уже и вечер настал!..

Всё на корабле было странно, всё непривычно. Гладкая деревянная палуба чуть заметно покачивалась под тележкой, жила. Где-то что-то поскрипывало, шуршал и временами хлопал на ветру длинный пёстрый флажок, украшенный изображением пепельно-бурой пичуги, негромко переговаривались под бортом ленивые спокойные волны… И удивительные морские запахи, к которым ещё утром принюхивался Коренга, отчего-то здесь ощущались острей, чем даже на причале. Наверное, всё дело было в чувстве отъединённости, отрезанности от берега. На самом деле корабль сращивали с причалом надёжные пуповины канатов, да и Коренга вполне мог бы съехать на сушу по тем самым гладким мосткам для закатывания бочонков… Тем не менее – он был уже не на берегу. И не принадлежал берегу. Отрезанный край.

Отрезанный – от всего, что до этого дня было ему родным и привычным. Стоило подумать об этом, как в груди начинало тревожно щемить. А что будет назавтра, когда уберут мостки и между берегом и кораблём начнёт шириться полоска воды?..

«Я трус, – нарочно грубо хлестнул себя Коренга. – На меня честь рода возложена. А я под мамкиным подолом голову прятать готов!»

Оглядев просторную – целых три сажени шириной – палубу и понаблюдав за корабельщиками, он выбрал себе место, где его тележка никому не должна была помешать: у левого борта, рядом с перевёрнутой лодкой. Под эту лодку Торон сразу сунулся носом и, похрюкивая, начал что-то вынюхивать. Коренга поспешно отозвал его, рассудив, что там вполне могло быть укрыто съестное. А коли так, пёсье любопытство непременно станет поводом для придирок. И денежной пени.

Некоторое время Коренга просто сидел, озираясь кругом. Потом сказал себе, что на ближайшие четверо суток этот уголок станет ему подобием дома. Значит, надо перестать вздрагивать от каждого примерещившегося шороха и устраиваться, как надлежит в доме.

Он вытащил из тележки мягкий вьючок, при езде подпиравший ему спину. В развёрнутом виде это был толстый коврик как раз по его росту. Коренга расстелил его на палубе рядом с тележкой. Потом, придирчиво прислушавшись к себе, поддёрнул штаны (с задней стороны в них имелся клапан, который из-за неизбежного пользования черпачком приходилось держать всё время отстёгнутым). И наконец покинул тележку, выпростав из неё никчёмные ноги. Проделал он это с ловкостью, порождённой каждодневным обычаем. И, опустившись на коврик, блаженно вытянулся на животе. Привычка привычкой, а от постоянного сидения на заду у него всё равно к вечеру противно ныло всё тело.

Двое аррантов, отряженных Ириллиром присматривать за порядком на палубе, с интересом поглядывали на Коренгу с кормы корабля. Он, конечно, не упустил это из виду. Но вёл себя так, словно находился в полном одиночестве за толстой и надёжной стеной. Жизнь и этому успела его научить.

Торон сидел рядом, улыбался, вывалив язык, к чему-то прислушивался. Простой душе много ли надо? Он был сыт и рядом с хозяином. А новое и непривычное место – да сколько он их, таких, успел повидать!

Поглядев на невозмутимого зверя, Коренга решил брать с него пример. И, хотя тоже был сыт, вытащил из тележки мешочек с самым лакомым лакомством, которым у него было в обычае завершать удачные дни. В мешочке лежали маленькие ржаные сухарики, материн подорожник. Сколько ни пробовал Коренга по чужим краям диковинных кушаний, а пришёл-таки к убеждению: ничего вкуснее этих сухариков из родной печи ему ни в одной харчевне не поднесут. Даже в таком праведном заведении, как «Утренний улов».

«Спасибо, что доченьку в обиду не дал, – сказал ему на прощание хозяин харчевни. – Одни мы с ней, понимаешь… Второй год пошёл… Я за неё…»

Кашлянул, махнул рукой, отвернулся. И принялся сосредоточенно рыться в поясном кошеле. А Коренга мысленно схватился за голову: он-то, рассказывая девчушке о своём странствии, чуть не наплёл ей о мнимом вдовстве собственного отца. Вот уж воистину – уберегла судьба от непотребства!.. Зато стало понятно, что короткие волосы и борода её батюшки, которого он сдуру принял за вышибалу, были не признаком кулачного ремесла, а данью печали.

Харчевник же извлёк руку из кошеля, и Коренга увидел цепь. Это была очень необычная цепь. Поверхность кованых звеньев блестела светлей серебра, и Коренга сразу уразумел, что увидел дивное диво. Тайной такой выделки металла владел в Галираде всего один мастер; где уж было мимоезжему венну надеяться столь редкую и дорогую работу узреть, тем более в руках подержать!.. А харчевник без лишних слов – и без малейшей опаски – взял да надел чудесную цепь Торону прямо на шею, и тот просунул голову в блестящее ожерелье, словно так тому и следовало быть. Серебристые звенья и теперь покоились там, потерявшись в пышном меху.

«Дочка велела тебе отдать… Для сучонки своей заказывали, чтобы красовалась, как повзрослеет… Погодит, мала ещё. А ты Гырчея[23 - Гырчей – любитель порычать, сердитая собака.] своего как гладить начнёшь, так лишний раз и вспомнишь Медву да Буркуна!»

Глава 9

Неожиданное соседство

Как ни приятно было лежать на животе, отдыхая от сидячего положения, – собираясь спать, Коренга всё-таки забрался снова в тележку. Мало ли что может случиться! На колёсах, заменивших ему ноги, он чувствовал себя гораздо уверенней, чем так вот – беспомощным па?ползой[24 - Па?полза – ребёнок, ещё не выучившийся ходить; всякое животное, которому от природы свойственно ползать.]. Да и теплей было там, в кожаной скорлупе, в меховом мягком гнёздышке…

Правду молвить, он был уверен, что не уснёт. Думал – так и будет ворочаться, поминая ссору с Шанявой и изводя себя бесплодным гаданием, чем эта ссора могла для него кончиться при меньшей удаче; либо станет раскидывать умом о завтрашнем дне и обо всём том неизведанном, что предстояло вскорости испытать… Однако вышло иначе. Знать, Светлые Боги, хранившие его народ, с улыбкой взирали на приключения Коренги. Едва он свернулся в тележке, как любил, калачиком, на левом боку, – и крепкий сон сморил его чуть не прежде, чем он успел натянуть на уши полсть.

И даже сон ему послан был не какой-нибудь, а один из любимых. Чаще всего Коренге снилось, что у него снова работали ноги и он, как когда-то в детстве, способен был бегать, прыгать, ходить. Но эти сны являлись скорее казнящим напоминанием, потому что обязательно наставал миг – стряслась беда, нужно добежать, предупредить, выручить!.. – и вот тут-то ноги неизменно подводили его, он падал на бегу и не мог встать, с ужасом понимая: всё кончено, всё пропало… и, вздрагивая, просыпался.

Но не сегодня. Видно, Светлые Боги жалели всех своих чад, в том числе и негодных, вроде Кокориного потомства. В этом сне Коренга летел. Безо всякого усилия рук и тем более ног, одним напряжением воли, силой желания. Летел над роскошными лугами и нетающим снегом какой-то горной страны, которую в жизни своей никогда не видел и видеть не мог… Вообще-то, он догадывался, откуда могли забрести в его память эти разверзающиеся долины, плывущие внизу облака и ледяные пики вдали, – но догадывался позже, наяву, вспоминая приснившееся, а во сне он ничему не удивлялся, ни о чём не тревожился…

Просто летел и летел, даже не задумываясь, зачем и куда…

Его разбудило негромкое ворчание Торона, на которое он привык просыпаться, как на тревожный споло?х[25 - Споло?х – набат, общий призыв на помощь.]: мгновенно и полностью. К ворчанию еле слышно примешивался скулящий, жалобный человеческий голос.

– Яви милость, добрый господин мой… Вели своему благородному зверю убрать зубы с моей руки…

Ночи в канун дня Рождения Мира стоят не больно прозрачные, но фонарь, горевший на корме, бросал на тележку сколько-то света, и Коренга сумел рассмотреть говорившего. Вернее, его руку, ловко протянувшуюся к тележке из-под чуть приподнятой лодки. Эта рука почти достигла внутреннего рундучка, где Коренга хранил материны сухарики, когда её перехватил пёс. Впрочем, в ладони не было оружия, угрозы спящему хозяину она не несла, покушаясь лишь на имущество. Поэтому челюсти, способные раздробить человеческие кости в кровавый кисель, сжались ровно настолько, чтобы схваченный воришка не мог ни вырваться, ни доделать задуманное.

Так вот, значит, что унюхал там давеча бдительный пёс!.. Не хлеб и подавно не колбасу. Коренга заглянул под опрокинутый борт и увидел широко распахнутые, перепуганные глаза.

– Не выдавай меня им, добрый господин мой… Накажи как угодно, только не выдавай…

Коренга, выдернутый несчастным крадуном из блаженного и яркого сна, вообще-то, испытывал искушение именно так с ним и поступить. У лесного народа воровство было делом почти неслыханным. Его считали приметой чужих людей, уроженцев беззаконных земель. А уж домашний подорожник у человека стащить… Да притом у калеки! Это же до какой крайности должен был дойти человек?.. «Знаю стыд, пока сам сыт», – говорили дома у Коренги.

Торон между тем продолжал тихо, но вполне устрашающе ворчать, поглядывая на хозяина. Дескать, что делать-то будем с этим несчастьем?..

Человек под лодкой поглядел молодому венну в глаза, что-то прочёл в них… зажмурился и заплакал.

– Отрыщь[26 - Отрыщь – «нельзя», запрещение собаке (обычно охотничьей) рвать пойманную добычу.], – шёпотом приказал псу Коренга.

Челюсти разжались, рука мгновенно исчезла под лодкой, и та без малейшего шума опустилась на место. Коренга хмыкнул, покачал головой и снова свернулся калачиком – досыпать. На сей раз он вправду долго крутился, прежде чем задремать. И ничего хорошего больше в эту ночь ему не приснилось.

Остаток ночи Коренга так и дремал вполглаза. Стоило заснуть чуть покрепче, как подступал тревожащий морок, в котором он без конца куда-то опаздывал, что-то безнадёжно упускал. Наверное, так отзывался подспудный страх перед плаванием, помноженный – после разговора с Буркуном – на опаску, что хитрый аррант, получив денежки, вполне мог отчалить и без него. Наконец, попросту устав то и дело в ужасе просыпаться, Коренга сел в тележке, протирая глаза.

Стояла несусветная рань. Стылый ветер, скорее оттепельный, чем по-настоящему весенний, гудел в снастях, трогал шерсть свернувшегося калачиком Торона. Ветер казался чёрным, и о том, какова была вода, поделившаяся с воздухом этакой стынью, не хотелось даже и думать. Зато внятно думалось о Сироте и о том, как в подобную ночь он мчится над миром, рассекая чёрно-седыми крыльями ночной мрак, и кричит, кричит от горя и неизбывной тоски…

На торговой площади и причалах не было видно ни человека. Да и на кораблях, сколько мог видеть Коренга, не происходило никакого движения. Ещё бы!.. Кто разумный высунется на холод, если может продолжать спать в блаженном тепле?.. Только рыбачьи лодьи одна за другой выходили из гавани, чтобы поспеть вернуться к появлению народа в рыбных рядах. Небось они и Буркуну привезут должное количество толстых, красивых рыбин, из которых шустрая Медва с приспешниками[27 - Приспешник – помощник, «подготовщик», кухонный рабочий.], уж верно, опять наготовят всяческой вкусноты…

Отец и дочь уже казались Коренге не вполне чужими людьми, он даже посетовал про себя, что не спросил Медву, умеет ли она разваривать рыбную мелочь (а какой улов обходится без мелочи?) с луком, маслом и уксусом, отчего в

рыбёшках исчезают мелкие косточки. Так делала мать самого Коренги, приготовлявшая из распоследних окушков, выловленных детьми, удивительно вкусную кашицу для намазывания на хлеб.

«Буду возвращаться, – положил он себе, – обязательно ей расскажу!»

Потом Коренга вспомнил про своего вороватого соседа. И невольно содрогнулся, представив, как тот ночевал под лодкой на палубе. Было у него там хоть какое-то одеяло? Или меховой плащ?.. Заколе?л[28 - Заколе?ть – сильно замёрзнуть, остыть.] ведь поди. Рукав на схваченной Тороном руке, помнится, показался Коренге достаточно ветхим…

«Я что, сам должен был в холоде спать, зато с ним полстью поделиться? – пресёк он ворохнувшуюся было совесть. – А может, ещё и сухарями досыта накормить? Это за какое такое добро, интересно бы знать? За то, что горло мне ночью не перерезал?.. Да небось и нету уже его там, сбежал с перепугу!»

Когда человек принимается вот так спорить с собою самим, это значит, что в глубине души он всё же недоволен содеянным, и в итоге обычно оказывается, что совесть была-таки права. Коренга сидел нахохлившись и думал о том, как всё будет, когда корабль двинется в море. Буркун чего-то ради советовал ему привязать тележку, да покрепче: за островами, сказал он, будет качать.

Что значит – будет качать?.. Коренга вполне представлял себе, как колышется на волнах лодка. Или плот, связанный из брёвен. На такой случай в тележке имелся ещё один рычаг, неподвижно крепивший колёса, и Коренга показал его Буркуну в действии. Тот посмотрел, кивнул и отмолвил: «Всё равно привяжи».

И даже снабдил Коренгу несколькими кусками крепкой верёвки, причём не пеньковой, а сплетённой, как поводок Торона, из тонких сыромятных ремней. Коренга про себя даже слегка возмутился. Он возил с собой моток лучшей на свете веннской верёвки, зачем ему какая-то чужая, сделанная неведомыми руками?.. Вслух он, конечно, поблагодарил. А теперь вот, глядя в весьма неприветливую морскую даль, решил воспользоваться и советом Буркуна, и его подарком. Ибо почтенный харчевник, прежде чем сделаться таковым, много лет ходил в море за рыбой. Да не простым ловцом – вожаком артели, старшим на корабле. Он осел на берегу, лишь овдовев, да и то так решила ватага, видевшая горе Буркуна и его отчаянную любовь к единственной дочери. Вскладчину

урядили харчевню и поставили Буркуна в ней хозяйствовать: сами рыбку ловим, сами готовим, сами и на стол подаём… И деньги – на всех!

В общем, если Буркун что-то говорил о море и о жизни на корабле, его следовало послушать. В самом деле, разве на берегу угадаешь, с чем встретишься за небоскатом?.. Коренга завязал несколько надёжных узлов и почувствовал себя вполне готовым к далёкому плаванию. И мысленно даже посетовал, что до полудня было ещё так далеко. Ведь по-настоящему страшным бывает только неведомое. Когда оно наконец открывает свой лик и наступает миг боя, тут уже не до страха. Вот Коренге и хотелось, чтобы этот миг скорей наступил. Сидеть без дела и потеть, ожидая не пойми чего, – хуже не выдумаешь.

Глава 10

Кто в море не бывал, тот горя не видал

Что такое настоящая морская качка, Коренга в полной мере осознал сразу же, как только «Чаграва» вышла за гряду островов, надёжно прикрывавших Галирад от ярости океана. Первая же волна, не просеянная сквозь решето отмелей и узких проливов, так наподдала судну в скулу, что оно вздыбилось, подобно норовисто гарцующей лошади. Какое там раскачивание лодки на озере, плота на реке!.. Тележка Коренги осталась на месте только благодаря верёвке и умелым узлам. Торон испуганно взвизгнул и поехал по накренившейся палубе. Коренга что было силы сгрёб одной рукой поводок, а другой – бортик тележки, чтобы не оказаться выдернутым из неё вон. Позже он с изумлением вспоминал, что? всего более заботило его в эти мгновения. Первое: чтобы не разлился черпачок. И второе: чтобы Торон не слишком исцарапал палубу когтями. Иначе – плакал задаток, который он надеялся вернуть в нарлакской столице! О том же, сколько ещё продлятся бешеные броски корабля и сколько он сможет их выдерживать, Коренге почему-то не думалось совершенно. Мать рассказывала ему, как когда-то оступилась на бегу и упала врастяжку, сломав, как потом выяснилось, правую руку. «Наземь летела и только думала, – с усмешкой вспоминала она, – не задрался бы подол…»

…А нос корабля уже тяжело рушился вниз, в зеленоватую бездну между этой и следующей волной, и над наветренным бортом вырастала прозрачная стена,

чтобы спустя нескончаемое мгновение рухнуть на палубу и шипящей пеной вкатиться под колёса тележки… под бок поскользнувшемуся Торону… под перевёрнутую лодку, где то ли прятался, то ли больше не прятался галирадский воришка…

По счастью, ветер дул северо-западный, а город Фойрег, куда направлялась «Чаграва», располагался на юге. Поэтому довольно скоро корабль повернул, и волны сразу перестали бить его, из беспощадных врагов превратившись в добрых попутчиков. Они могуче и неторопливо наплывали с кормы, мягко приподнимали корабль и некоторое время несли его на себе, подталкивая и подгоняя, а потом с размеренным шорохом уходили вперёд. И ветер, только что казавшийся роями ледяных ножей, словно по волшебному мановению сделался почти незаметен. В снастях перестало выть и гудеть, зато солнечные лучи обрели какое-то подобие теплоты…

Коренга с облегчением перевёл дух и выпустил поводок приободрившегося Торона. На пальцах, как попало захлёстнутых плетёным ремнём, уже начали проступать синяки.

Буркун предрекал Коренге, что Ириллир выйдет в море с рассветом. Коренга даже удивился про себя, когда на восходе солнца аррантский купец, наоборот, покинул корабль, и молодой венн не на шутку встревожился, обратив внимание на его озабоченное лицо. Впрочем, Ириллир особо далеко не ушёл. Достигнув стоявшего посреди пустынной в этот час торговой площади Медного Бога, купец остановился перед изваянием и некоторое время стоял, склонив голову и что-то шепча. Потом преклонил правое колено, как требовала его вера. Извлёк из-под просторного плаща маленький бурдючок знаменитого вина своей родины – не бутылку, а именно кожаный бурдючок – и пригубил из него, а остальным щедро окропил Медного Бога, особенно стараясь омочить длинную всклокоченную бороду Морского Хозяина аррантских легенд. И вновь замер в сосредоточении, коленопреклонённый, с опущенной головой…

Коренге доводилось уже наблюдать, как молились перед отплытием соплеменники Ириллира, ибо «Чаграва» не была единственным аррантским кораблём в гавани Галирада. Так вот, те мореплаватели обходились со своим Морским Хозяином, как со старым знакомым, приглашённым разделить дружескую пирушку: кратенько обрызгивали его вином, не переставая при этом беззаботно шутить между собой и смеяться. Наверное, они были уверены в

благосклонности Медного Бога. Да и сам Он, казалось, взирал на смертных соотчичей снисходительно и по-доброму…

По сравнению с ними Ириллир вёл себя так, словно был чем-то виновен, чего-то боялся. Или Коренге просто примерещилось оттого, что рассвет задался холодно-малиновым, а навстречу этому зябкому свету с моря летели низкие рваные облака, нёсшие в себе промозглую и неуступчивую темноту ночи, и устремлённый в небо гарпун в занесённой руке Медного Бога как-то очень уж зловеще нависал над головой Ириллира?..

А потом купец вернулся на корабль и сразу велел готовиться к отплытию – благо все гости корабля уже собрались на борту и никого не нужно было ждать. Так что в итоге Буркун не сильно-то и ошибся.

Глава 11

На третье утро

На последующие двое суток Коренга вполне убедился, что океан, как все великие стихии, имел нрав крутой и суровый. И, как любая стихия, не очень-то миловал дураков, совавшихся к нему без почтения и без должных познаний. Вторая ночь выдалась тихой и ясной, на палубе не осталось почти никого, кроме рулевого, и Коренга решил ополоснуть свой черпачок. Нарочно для этой цели у него имелось небольшое ведёрко. Коренга привязал его на верёвку, осторожно спустил за борт… берестяное донце коснулось воды, посудинка наполнилась… и верёвку так рвануло из рук, словно там, внизу, ведёрко кто-то силился утащить!

– Торон!.. – шёпотом закричал Коренга.

Смышлёный пёс тут же подхватился с палубы и, поставив передние лапы на борт, сцапал верёвку зубами. Вдвоём они с грехом пополам вернули ведёрко, так что Коренга черпачок всё же выполоскал, хотя руки тряслись от неожиданности и невольной обиды. Позже, утром, он подсмотрел, как доставали воду арранты. Мореходы размахивались и закидывали ведёрки подальше вперёд. И быстро вытаскивали, когда верёвка становилась отвесно.

«Без знатья? и не догадаешься», – усмехнулся про себя Коренга. Не зря он, видать, перед отплытием поделился с морем драгоценным домашним сухариком. Покамест море щадило его, не удручая, как иных сухопутных гостей, унизительной тошнотой. Даже ведёрка не отняло, хотя могло. И не обижалось на пса, который волей-неволей приладился задирать лапу, справляя малую нужду прямо через борт, где тот был пониже… Коренга бодрился, стараясь думать, что они с Тороном, верно, понравились морю. И тем не менее на рассвете третьего дня он, внутренне ликуя, сказал себе: «Завтра – Фойрег!» Завтра вечером он съедет на незнакомый причал. И, пожалуй, не погнушается поцеловать чужую нарлакскую землю. Просто за то, что это – земля! «С водою, с ветром да с огнём не дружись, а с землёю держись, – говаривало его племя. – Ходить у огня – обжечься, у воды – отсыреть… – Правда, венны тут же справедливо добавляли про свой родной лес: – А ходить в лесу – видеть смерть на носу!»

И всё-таки это был их лес. И все смертные опасности в нём – знакомые, уютные и родные. А море, помимо прочего, было местом, где лес не растёт. И это значило, что ни одному венну добра от него чаять не следовало. И уж в особенности – Кокориному отродью!

Торговец Ириллир тоже вышел на палубу заметно повеселевшим. Коренга посмотрел на него и решил: даже если страх купца вовсе не померещился ему в утро отплытия, всё равно было похоже, что во?ды, где Ириллир мог ждать для себя дурного, остались далеко за кормой. Погода держалась ясная, по перламутровому рассветному морю переползали клочья тумана, то открывавшие, то прятавшие горизонт… и внезапно Коренга увидел, как неестественно расширились глаза арранта, а лицо ни дать ни взять постарело в один миг сразу на десять лет. Так выглядит человек, успевший увериться, будто исхитрился счастливо обмануть смерть… и вдруг узревший её распахнутые объятия прямо перед собой!

Ужас заразителен. Внутренности Коренги тотчас смёрзлись в ледяной ком, он повернулся посмотреть туда, куда смотрел Ириллир, даже схватился за борт, приподнимаясь в тележке… Сперва он не увидел в море ничего, кроме очередного па?блака – полосы тумана, медленно превращавшейся в тучку. Но ветер вскоре оттащил мглистую завесу, и глазам молодого венна предстали два корабля. Они приближались с севера, быстро догоняя шедшую вроде бы резвым ходом «Чаграву».

И что это были за корабли!.. В первый миг Коренга так залюбовался ими, что забыл даже бояться. Они напоминали ярких диковинных птиц, взапуски нёсшихся над гребнями волн. Их крыльями были широченные пёстрые паруса: у одного – в косую красно-жёлтую полосу, у другого – расходящимися белыми и зелёными кольцами. Тот, что шёл под полосатым парусом, ещё и нёс на мачте позолоченный флюгер… И стало понятно, что торговое аррантское судно казалось Коренге проворным и мореходным только потому, что сравнивать было не с чем, а опыта, чтобы сравнивать мысленно, не имелось.

Молодой венн до того засмотрелся на грозные и прекрасные корабли, явившиеся с далёких северных островов, что даже не сразу расслышал полный обречённости стон, прокатившийся по палубе «Чагравы»:

– Чугушегг…

Что означало это слово, Коренга не особенно понял. Только стало ясно, что ничего хорошего для себя арранты не ждали. Коренге опять сделалось жутко, перед глазами тоскливо проплыло видение тростниковой лодьи и смеющихся чернокожих мореплавателей, не принуждённых бояться никакого Чугушегга… Примерещились крутые опасные тропки через Засечный кряж на сухом пути из страны сольвеннов в Нарлак, примерещились и показались широкими, удобными дорожками гораздо гостеприимнее моря, на которое он их променял… Рядом насторожился Торон. Как и хозяин, он пока ещё не вполне понимал, чем озабочены арранты, но на всякий случай приготовился дать бой.

А Коренга сидел с пересохшим ртом и едва не впервые за всё время путешествия даже в присутствии зубастого друга чувствовал себя беспомощным и беззащитным. Летели под гору саночки, внизу ждала, скорее всего, погибель, и опять от его усилий ничего уже не зависело.

И, как ни верти, вновь получалось, что с кручи он оттолкнулся сам.

Глава 12

Чужая душа дешевле гроша

Арранты и даже некоторые из гостей корабля начали вытаскивать оружие, но чего ради они это делали, было не очень понятно. С такими лицами, как у них, не побеждают. Да, в общем, толком и не сражаются. Когда у человека загодя прыгают губы, а глаза бесцельно шарят по сторонам, от него трудно ждать даже отчаянной ярости загнанной крысы, куда уж там настоящего мужества, которое одно только и приносит победу. Подобный ратоборец в бою будет только стараться продлить свои мгновения на земле, но и того как следует не сумеет… Тем не менее эти люди готовились биться, не помышляя о том, чтобы сложить оружие, и не надеясь, что склонённую голову сегванские мечи, скорее всего, не станут рубить.

Значит, решил про себя Коренга, имелась некая причина, делавшая сдачу в плен для них невозможной…

Тут его посетило одно весьма неприятное воспоминание. Притом имевшее самое прямое отношение к цели его путешествия. Молодой венн даже скрипнул зубами – и ужас, скрутивший нутро, как-то сразу отступил, сменившись чуть ли не равнодушием к собственной участи. Ему было только жаль мать. И Торона. Но они с Тороном с самого начала были готовы умереть друг за дружку; а когда даются такие обеты, нечего притворяться, будто никогда не настанет время их исполнять. И мать заранее знала, на какое дело провожает его. Она проведает о его смерти самое позднее назавтра. Минует время, и занявший его место сделает то, чего не удалось сделать ему. Но никто не скажет про него, Коренгу, будто из-за него прошлое повторилось…

А на сегванских кораблях уже можно было рассмотреть стоявших возле борта людей. Взгляд Коренги задержался на одном из них, что воздевал перед собой, на вытянутых руках, ярко-красный щит, знак непримиримой вражды. Таких, как этот человек, встретив раз, не скоро забудешь. Он был огромного роста, и даже на расстоянии чувствовалось, что сила его не знала границ. Но всего более привлекала внимание его борода. У веннов про такую сказали бы: «На семерых росла, одному досталась», хотя какое там на семерых! Она неукротимым веником торчала во все стороны от лица, начинаясь прямо из-под шлема, а длину имела – хоть за пояс закладывай. Борода была тёмная, с яркими беспорядочными прядями седины. В памяти Коренги наконец-то всплыли обрывки сегванского языка, которым он не то чтобы владел, но при жестокой нужде вполне мог объясниться. «Чугушегг» значило «Двадцатибородый». Вот так-то. Лучше не скажешь.

– Эй, арранты! – проревел Чугушегг, и голос легко покрыл расстояние, разделявшее корабли (чему Коренга нимало не удивился). – Мне не нужны ваши никчёмные головы и тем паче не нужен дрянной товар, который вы там везёте. Я пришёл только за этим ничтожеством, Ириллиром Седрием! Если получу его – слово кунса, ни о кого больше не стану руки марать!

– Чу-гу-шегг!.. Чу-гу-шегг!.. – дружно поддержали вождя комесы, стоявшие за спиной. Имя предводителя служило им боевым кличем, так уж от века было заведено.

У Коренги часто заколотилось сердце, он сразу оглянулся на корабельщиков… и увидел, что все они, один за другим, с видимым облегчением стали бросать на палубу приготовленные было луки и копья. А гости корабля, взволнованно столпившиеся кругом Ириллира, спешили отойти прочь. Так, чтобы его злая судьба по ошибке их не коснулась.

И кто-то уже сворачивал парус, прекращая бессмысленное бегство «Чагравы».

Некоторое время несчастный Ириллир стоял столбом, явно не в силах осознать, что всё это происходило в действительности, а не снилось ему. Коренга примерил на себя его состояние и решил: если бы от него вот так отвернулись те, кого он привык считать побратимами, он бы тоже, наверное, сразу утратил волю сражаться. Зачем всё, когда предают самые близкие?.. Коренга сжал зубы. Аррант не показался ему очень хорошим человеком, но всё равно его было жаль. Потом Ириллир заметался по палубе, исступлённо крича, что сегванам нельзя верить, что, вступив на палубу, они тотчас всех перережут, что слово кунса на самом деле подобно дыму, уносимому ветром. У него был голос человека, нутром чующего, что ему не поверят. И точно. От него шарахались, как от зачумлённого, а один из гостей, галирадец, даже проворчал:

– Не меряй всех на свой аршин, Ириллир.

В самом деле, сегваны могли и сдержать данное слово. А вот если бы им отказали, тогда уж они точно побросали бы всех за борт. Так что выбор был очевиден, и команда «Чагравы» не послушала ни просьб, ни угроз хозяина судна – парус остался висеть на рее тяжёлой матерчатой колбасой.

Сегванские лодьи между тем подошли совсем близко, и вот уже над водой свистнули трёхлапые якоря, привязанные на длинных верёвках. Они с треском вцепились в борт и палубу «Чагравы», сегваны дружными усилиями стянули корабли… И первым с борта на борт по-хозяйски ступил, конечно же, сам Двадцатибородый. За ним последовал молодой комес. Он сразу не понравился Коренге. Неприлично парню быть таким пухлым и рыхлым, а воину и подавно. Ишь, ляжки наел – а у самого не то что борода, даже усы мало-мальские не растут!.. Не поминая уже, что справные воины, удостоенные сопровождать вождя, не должны ходить в каких-то дурацких плащах из грубой рогожи, из которой мешки только делать, а не одежду!

Немного погодя к этим двоим присоединился третий, седой старик, выглядевший измождённым то ли болезнью, то ли тягостным горем. Он молча остановился подле Чугушегга и молодого, скрестив на груди руки. Он смотрел на Ириллира даже без ненависти. Так – словно с того света – смотрят люди, безмерно уставшие от жизни и от тех невзгод, которыми она даже на склоне лет продолжает их настигать.

А Ириллир стоял перед ними, держа в руке короткий изогнутый аррантский меч, и, кажется, собирался недёшево продавать свою жизнь. Сегваны на этот меч не обращали никакого внимания. «Ну а я-то что делать должен? – мучился Коренга. Рука молодого венна лежала на холке взволнованного, глухо ворчавшего Торона, другая сжимала узкий кожаный ремешок, уложенный вдоль правой ноги. – Защищать его? Сегванов этих я первый раз вижу и совсем видеть бы не хотел, а с ним третий день рядом живу, не чужие вроде друг другу… Я что, получается, тоже его предаю?..»

– Ты думал, твоему злодеянию не будет свидетеля, – проговорил Чугушегг. Проговорил очень спокойно и даже грустно, и от этого стало ещё страшней. – Ты ошибся. Свидетели найдутся всегда…

Ириллир вдруг выронил меч, бухнулся на колени и принялся биться лбом о палубные доски.

– Помилуй, помилуй, достойный кунс… – разобрал Коренга. – Не губи… Я не знал, что всё так получится… Я не хотел…

Старик медленно отвернулся. Двадцатибородый смотрел на арранта с видимым отвращением. Казнить человека, униженно молящего о пощаде?.. Нелегко это, наверное. Коренга попробовал мысленно поставить себя на место сегванского кунса: «А я смог бы его убить?» И пришёл к выводу, что Ириллир должен был совершить какое-то вовсе уже запредельное преступление. Такое, за которое просто не может быть никакой милости, лишь кровь в отплату за кровь. Например, поднял бы руку на родителей Коренги. Или на его младших сестрёнок. Или на Торона…

Да, на Торона. За своего пса Коренга кого угодно зубами бы загрыз. Как и тот за него.

Тут шагнул вперёд молодой комес. Расстегнул пряжки на плечах – и его рогожный плащ оказался-таки мешком. Большущим мешком, местами перемазанным чем-то подозрительно бурым. При виде этого мешка Ириллир отшатнулся, дико закричал, попытался вскочить… Юноша успел раньше. Его колено с маху врезалось в подбородок арранта. Тот, видно, не был кулачным бойцом, чья челюсть делается несокрушимой от постоянных ударов. Он даже руками не взмахнул, сразу закатил глаза, начал заваливаться назад. Но на палубу не упал. Молодой сегван сверху вниз натянул на него мешок. И перевернул, явив немалую силу, так что Ириллир исчез внутри весь, вместе с нарядными сапогами, которые надел в море вместо сандалий.

– Другие купцы говорят про тебя: «Чужая душа дешевле гроша», – по-прежнему задумчиво и негромко проговорил Двадцатибородый. Тут Коренга заподозрил, что напугавшие его россказни Буркуна о присвоенных Ириллиром задатках были всего лишь тенью чего-то гораздо более тайного и страшного, а сегванский кунс продолжал: – Что ж, поглядим, выручат ли тебя деньги, нажитые душегубством… Где-то здесь должна быть кубышка!

На палубу аррантского корабля перепрыгнули ещё несколько комесов, все молодые, дочерна обветренные, отлично вооружённые. Они скрылись в недрах «Чагравы» и скоро вернулись, неся довольно увесистую шкатулку, вернее даже, небольшой окованный сундучок. Воины не стали возиться с замком, попросту сбили крышку. Проделали они это играючи. Чугушегг кивнул головой, и монеты со звоном посыпались следом за Ириллиром в мешок. Коренга мог бы поклясться, что различил блеск добрых сребреников, которые три дня назад отсчитал арранту за их с Тороном плавание в Фойрег…

Ещё несколько коротких движений, и горловина мешка оказалась крепко завязана. Оглушённый Ириллир неуверенно шевелился внутри, серебро звякало. Чугушегг протянул было руку, но полнотелый парень остановил его:

– Позволь мне всё сделать, отец.

Подтащил мешок к краю палубы, почти туда же, где тайком облегчался Торон…

И по-прежнему без особой натуги вывалил через борт.

Арранты и гости «Чагравы» ахнули, подались прочь…

Глава 13

«Поморник» поворачивает назад

Кажется, Чугушегг совершил всё, что собирался, и был намерен вернуться к себе на судно, предоставляя осиротевшую «Чаграву» её собственной участи. Но было бы поистине странно, если бы его внимания избегла привязанная возле борта тележка. И калека в ней, испуганно обнимавший за шею громадного лохматого пса.

Чугушегг остановился против них и презрительно бросил:

– Встречал я веннов, но таких скуде?льных[29 - Скуде?ль – земля и всё ей принадлежащее, в особенности глина. Отсюда скудельный – бренный, слабый, хрупкий, подобный гончарному изделию.] – ни разу не видел. Знать, мельчает порода!

Он произнёс это по-сольвеннски, должно быть затем, чтобы лесной житель верней его понял. О себе Коренга не моргнув выслушал бы ещё что похуже, тем более что в ушах у него ещё стоял последний крик из тонущего мешка. Однако оскорбления, нанесённого племени, снести он не мог. Саночки опять покатились с горы – он мрачно ответил:

– Из земной скудели хороший мастер творит добрую посуду людям на радость. А вот ты, сегванский кунс, как я погляжу, доброго горшка испечь не сумел. Если только этот толстый, называющий тебя отцом, и вправду твой сын!

«Прости, мама… – добавил он про себя. – Так-таки я ничего и не сумел…» Он ждал возмущённого рёва сегванов и, конечно, немедленной расправы. И даже слегка растерялся, когда молодые комесы и сам Двадцатибородый… дружно захохотали. Так, будто он, Коренга, сморозил нечто невероятно смешное.

– Длинный у тебя язык, парень, – отсмеявшись, сказал Чугушегг. – Пусть-ка тебе его рыбы немного укоротят. – И обернулся к своим, чтобы буднично распорядиться: – Выкинуть его в море. А пса пришибить, чтобы под ногами не путался.

У воинов имелись при себе снаряжённые луки… Сегваны умели очень быстро выхватывать их из налучей, немедленно пуская стрелу. Но Коренга, подстёгнутый страхом за любимца, успел раньше. Он хлопнул ладонью по корабельному борту и заорал во всё горло, приказывая оглянувшемуся кобелю:

– Вперёд!..

Торон был давным-давно и строго приучен: хозяйские приказы следовало исполнять мгновенно и не артачась. В том числе самые странные. И даже тогда, когда дело, по всему, двигалось к драке. Пёс не раздумывая сиганул в воду – только мелькнул пышный хвост да взвилась раздуваемая ветром попонка… Коренга отстал от него ненамного. При лёгком теле у него были крепкие руки, которым опасность ещё добавила силы. Схватившись за борт, он рывком выдернул себя из тележки и улетел следом за псом, пока в воздухе ещё висели брызги, поднятые Тороном… Ему показалось, будто он рухнул в крутой кипяток.

Сегваны, оставшиеся на палубе, не стали стрелять им вдогон, потому что в этом было мало достоинства. Столпившись у борта, они с любопытством рассматривали тележку Коренги. Но тут их подстерегала ещё одна неожиданность. Когда кто-то наклонился поближе и протянул руку – внезапно зашевелилась корабельная лодка, лежавшая рядом на палубе. Из-под неё стремительно выскочил человек в лохмотьях… и с невнятным криком бросился опять-таки за борт. Наверное, ополоумевшему от страха дармовому гостю «Чагравы» помстилось, будто его заметили в ухоронке и собирались схватить.

Коренга к тому времени уже вынырнул, а Торон вытряхнул из ушей воду и деловито подплыл к хозяину, чтобы предложить ему схватиться за свой хвост. Так они всегда делали, когда вместе купались. Водичка, впрочем, была такая, что Коренга почти сразу перестал чувствовать пальцы. Он знал, что? очень скоро сделает с ним эта вода. И, пока руки ещё худо-бедно повиновались ему, принялся торопливо распутывать завязки попонки.

– Ты сумеешь, – шептал он кобелю. – Ты сможешь. Попробуй… Только попробуй… Ты сможешь…

В это время с палубы «Чагравы» опять раздался смех комесов. На этот раз к веселью примешивалась брезгливость. Коренга понял: сегваны стали рыться в его тележке и наткнулись на черпачок. Он не ошибся. Посыпались непристойные шутки, после чего тележку… взяли за концы и, обрубив привязные верёвки, выбросили с корабля.

Вот это была нечаянная удача, настоящий подарок милостивой Хозяйки Судеб!.. Коренга ощутил, как отодвинулась казавшаяся неминуемой смерть, и яростно заработал руками, направляясь к тележке. Упала она, конечно, кверху дном и набрала прилично воды, но это было не страшно. Коренга знал: утонуть она не могла.

О том, что берег прятался где-то за горизонтом, он и думать не думал.

Кунс Сквире?п Чугушегг стоял на носу верного «Поморника» и хмуро смотрел вперёд, в открытое море. Ветер нёс и расчёсывал его роскошную бороду… Кто сказал, будто сбывшаяся месть сладка, а лучший запах на свете – запах трупа врага? Наверное, тот, кто тщился отомстить, да не сумел. На самом деле в исполненном отмщении нет ничего радостного, ничего, что возвышало бы душу. Только пустота – тёмная пустота, в которую неохота заглядывать.

Но это не означает, что месть не должна быть совершена…

Рядом с кунсом на скамье гребца примостился полнотелый юноша, называвший его отцом. В отличие от Двадцатибородого он смотрел назад, за корму.

– «Чаграва» подняла парус, – заметил он негромко. – Люди Ириллира уходят.

Сквиреп Чугушегг промолчал, и погодя юноша заговорил снова:

– Они не стали их подбирать.

Кунс только хмыкнул, дескать, чего и ждать от корабельной дружины, у которой был подобный вожак. Молодой комес повременил ещё и сказал:

– Мальчик не дотянет до берега, отец. Он ведь калека. А ты дал слово вождя, что больше никого не погубишь.

– У этого мальчика язык вперёд ума поспевает, – бросил через плечо Двадцатибородый. – Он оскорбил меня. И тебя.

Юноша улыбнулся.

– Но ведь он только правду сказал. Я тебе в самом деле не сын.

Кунс раздражённо обернулся:

– Верно, Эо?рия, ты мне дочь, а не сын, но…

Он не договорил. Поскольку одновременно с Эорией увидел нечто такое, отчего сразу забыл, что собирался сказать.

Там, откуда торопливо удалилась поставившая парус «Чаграва», на волнах ни дать ни взять забила крыльями громадная птица…

– Поворачиваем! – велел кунс.

Глава 14

Тайна кожаной попонки

Коренга плыл к болтавшейся вверх колёсами тележке, загребая руками с такой яростью, словно там его ожидало немедленное спасение. Сейчас он привычно вернёт тележку в должное положение, вычерпает воду, отвяжет спрятанное внутри двухлопастное весло и… Что, собственно, «и», он не помышлял. Ему вполне хватало нынешнего мгновения. Гребок, ещё гребок и ещё. Кисти рук были двумя немыми ледышками. Его всего пуще заботило, успели ли сегваны как следует порыться внутри, не разорили ли рундучки…

Опрокинутая тележка была уже рядом, когда Торон вдруг издал глухой, неприязненный рык. Коренга не обратил внимания на рычание пса, а зря. Последнее усилие поднесло его прямо к кожаному борту, он схватился за бездельно качавшееся колесо… И почти сразу получил очень чувствительный удар по пальцам. Такой, что боль достигла разума даже сквозь причинённое холодом онемение. Коренга отдёрнул руку и поневоле погрузился с головой, и в том состояла его удача, поскольку следующий удар, нацеленный в голову, смягчила вода.

«Что такое? Не Ириллир же действительно выбрался из мешка…»

Молодой венн про себя числил аррантского купца уже мёртвым, а потому чуть не заорал от внезапного страха. Он отпрянул и вынырнул, выплёвывая изо рта воду… И тут же выяснилось, что Ириллир, мёртвый или живой, был здесь ни при чём. Просто, покуда Коренга возился с собачьей попонкой и плыл к своей тележке, на неё успел ловко вскарабкаться человек в серых лохмотьях, тот, что прятался под лодкой на корабле. Коренга и не знал, что он тоже выпрыгнул через борт.

И вот теперь полночный крадун, которого он не выдал корабельщикам, стоял на коленях на округлом днище его, Коренги, тележки. И, оскалив зубы, замахивался увесистой короткой дубинкой. Глаза у него были откровенно безумные.

– Дурень, – сказал ему Коренга. – Нам только легче будет вдвоём! Я стану грести, а ты – воду вычерпывать!

Однако слова пропали впустую. Оборванец завизжал, словно одичавшее животное, к которому подошли слишком близко. Дубинка свистнула в воздухе. На самом деле тележка, обращённая в лодку, действительно без труда

выдержала бы двоих, и это можно было понять с первого взгляда, но… для начала следовало обладать способностью трезво оценивать вещи. А этого от галирадского воришки, похоже, нынче требовать было нельзя.

– Слушай, ты… – снова начал было Коренга, чувствуя, как бесполезные ноги становятся не просто бесполезными, но вовсе превращаются в два ледяных камня и начинают утягивать в глубину.

Договорить ему не пришлось. Пока он подыскивал слова, могущие, по его мнению, достучаться до отуманенного страхом разума товарища по несчастью, за дело взялся Торон. Коренга с небывалой ясностью ощутил волну его гнева, а в следующий миг пёс рванулся вперёд. Широченные крылья с гулом ударили по воде, почти вырвав из неё отягощённое намокшей шерстью тело, и крадун остался цел только потому, что лишний вес помешал Торону взметнуться как следует. Пёсьи челюсти, разинутые отхватить половину лица, с лязгом захлопнулись в полувершке от человеческого носа. Крадун отшатнулся и с невнятным криком опрокинулся обратно в воду. Когти Торона проскребли по вощёной коже и соскользнули. Коренга давно отточенным движением схватил тележку под борт и перевернул, одновременно скользнув внутрь. Так, как он это проделал, другой человек, даже очень ловкий, управился бы навряд ли. Тут нужно было знать все особенности, все повадки лёгкого судёнышка, нужно было быть ему родным.

Неудавшийся захватчик вынырнул возле самого борта. Торон приподнял губу, но уже без гнева, скорее презрительно. Угрозы хозяину тот более не представлял, значит и карать было не за что. Тем более что крадун от пережитого ужаса плакал, точно ребёнок, которого во время купания расшалившиеся сверстники схватили за пятку из-под воды. У него были голубые глаза, и в них Коренга прочёл страх, стыд, отчаяние… Всё простительное и присущее человеку в смертельной беде. Безумной жажды продлить своё существование, наступив на голову другому, более не было. Знать, увещевание, предпринятое Тороном, оказалось гораздо действенней всего, что сумел бы выдумать Коренга!

– Залезай, – сказал молодой венн, хлопая по борту позади себя.

Собственная рука показалась ему безжизненной деревяшкой. Пальцы кое-как слушались, но внятного осязания не отдавали.

Тележка, зачерпнувшая изрядно воды, низко сидела в волнах. Крадун без труда вскарабкался на кормовой щит и распластался там, стуча зубами от холода пополам с испугом. Вряд ли он был сейчас способен молвить внятное слово. Коренга не глядя сунул ему гнутый из берёсты черпак для воды. Тот не взял, пришлось обернуться. Голодранец лежал, прижавшись лицом к плотной, твёрдой, как хороший луб, коже и всхлипывал, крепко зажмурив глаза. Делать нечего, Коренга сгрёб его за мокрые патлы и звучно приложил об эту самую кожу лбом:

– Дурень, воду вычерпывай!

Крадун, словно очнувшись, цепко схватил берестяной черпак и принялся за работу. Движения у него были дёрганые, судорожные, однако дело пошло. Мокрые рукава задрались, стало видно, что руки воришки были сплошь покрыты цветными наколками, сплетавшимися в замысловатую вязь.

«Живое узорочье…» – тут же вспомнил Коренга и мимолётно удивился не покинувшей его, оказывается, способности что-то сопоставлять…

Схватил змеившийся в воде поводок Торона – и могучий пёс потянул лодку туда, где, удерживаемая на поверхности надутыми кармашками-зе?пями, плавала сброшенная попонка. Крылья, которые она так успешно скрывала от слишком любознательных взглядов, вздрагивали на спине у Торона и то складывались, то наполовину раскрывались, силясь помогать движению тела.

Глава 15

На палубе

«Поморник» развернулся, перекладывая паруса, одним слитным движением океанской птицы, возмужавшей в потоках стылых ветров, под вечную колыбельную волн. Так разворачивается степной конь, давно слившийся с наездником в единое существо. Сегваны, ходившие под началом Сквирепа Чугушегга, почти не нуждались в указаниях кормщика. Одно слово «Поворот!» – и каждый знал, что ему делать.

Хищная морская птица описала круг и вернулась туда, где осталась выброшенная с «Чагравы» тележка. Здесь широкий парус был подвёрнут ради убавления хода, и воины кунса в некотором недоумении уставились через борт.

Вместо неуклюжей тележки их глазам предстала маленькая опрятная лодка, нёсшая двоих человек. Один, распластавшийся на корме, с такой поспешностью выплёскивал изнутри воду, словно от этого зависела его жизнь или смерть. Второй – безногий хозяин судёнышка – с молчаливой яростью орудовал двухлопастным гребком. Кажется, бешеная работа понемногу согревала его кровь, но опытные в гребле сегваны сразу усомнились, что парня, взявшего подобный разгон, хватит сколько-нибудь надолго.

Впрочем, их внимание тотчас приковали к себе вовсе не люди…

Перед лодкой, натягивая плетёный ремень, плыло невиданное существо. У него было тело крупного длинношёрстного волкодава, каких издавна пестовали в веннских лесах, и… громадные кожистые крылья, росшие откуда-то из лопаток. Эти крылья размеренно и мощно вздымались, загребая поровну воду и воздух, и перед носом лодчонки вскипал самый настоящий бурун.

Всё вместе двигалось со скоростью поистине удивительной…

В сторону приблизившейся «косатки» не обернулись ни люди, ни зверь.

Некоторое время Сквиреп Чугушегг молча смотрел на них с палубы. Потом спросил, обращаясь к дочери:

– Как думаешь, Эория, выплывут они к берегу? Может, наша подмога им совсем ни к чему?

– Им не выплыть, отец мой, – негромко ответила девушка. – Скоро они ослабеют и замёрзнут, и чайки выклюют им глаза.

– После чего разболтают по всему Берегу, будто Чугушегг даёт слово кунса и не исполняет его, – недовольно буркнул могучий вождь. Обернулся и возвысил свой голос до оглушительной мощи: – Эй, бездельники! Ну-ка выловите живо этот берестяной лапоть, чтобы море под нами от срама не расступилось!

Коренга вскинул глаза, только когда в нос и корму лодочки одновременно стукнули головки длинных багров. По всему борту была проложена толстая, прочная верёвка, чтобы хвататься за неё в воде. Её-то и использовали сегваны, выдёргивая лодочку из воды. Судёнышко сильно качнуло, Коренга успел подумать о крадуне – не убоялся бы плена да не предпочёл сдуру броситься обратно в воду!.. – но мимолётно. Его гораздо больше заботил Торон. Оставив весло, Коренга поспешно намотал на руку поводок… Вздумают сегваны покинуть пса, пусть оставляют с ним и его!

Но диковинный зверь, кажется, в первую очередь заинтересовал мореходов. Третий багор скользнул к его голове, нащупывая ошейник. И, надо же такому случиться, подхватил светлую цепочку, подаренную харчевником Буркуном. Цепочка натянулась… Разумный пёс и не подумал противиться. Сложил крылья и дал поднять себя из воды. Изделие галирадского мастера легко выдержало его вес, ну а шею, состоявшую из одних мышц, поди утесни! Извернувшись, Торон поставил передние лапы на борт, спрыгнул на палубу… и немедленно отряхнулся, исторгнув из пышной шубы четыре ведра воды. Сегваны с хохотом шарахнулись прочь.

Чьи-то руки подхватили Коренгу, вынули из тележки, уложили на палубу… Морской народ очень хорошо знал, как отогревать человека, чьё тело начало неметь в холодной воде. Без толку дышать ему на руки или, хуже того, пытаться растирать кожу, от которой отступила и не больно-то возвращается кровь. Его надо закутать в сухое и поить горячим, помогая восстановить внутреннее тепло. Так сегваны и поступили с обоими выловленными пловцами. Правду молвить, к тому времени у Коренги, вплотную приблизившегося к пределу усталости, уже не осталось сил даже застыдиться своей беспомощной наготы. Вот лишённые мозолей ступни погрузились во что-то мягкое, то ли пушистые вязаные носки, то ли меховые чуни[30 - Чуни – валяные или меховые «носки», служащие как домашняя обувь или в качестве утеплителя, например, для непромокаемых сапог.], он толком не разобрал. Больше всего ему хотелось закрыть глаза и подольше не открывать их, но в этом удовольствии ему было отказано. Он продолжал присматривать за четвероногим побратимом – и увидел, как к Торону подошёл с большой тряпкой в руках полнотелый молодой комес. Тот самый, которого Коренга оскорбил, назвав плохим сыном кунса.

– Осторожно, – пробормотал венн, силясь приподняться на локте. Губы еле повиновались ему. – Осторожно…

Чугушегг сразу оглянулся, а Торон, словно в насмешку над хозяином, завилял хвостом, уселся и подставил заботливым рукам развёрнутое крыло.

– Твой зверь гораздо смышлёней тебя, плавающего в корыте, – усмехнулся кунс. – Он-то знает, на кого ему огрызаться, а на кого – нет. Пожалуй, я заберу его себе, а в отплату доставлю тебя куда пожелаешь, хоть в Саккарем. Идёт?

Коренга ответил:

– Выброси меня за борт, если того требует твоя корысть, но от брата отступиться не уговаривай.

Чугушегг погладил бороду.

– Я выбросил бы тебя за борт, если бы ты ответил согласием или хоть начал обдумывать, не стоит ли согласиться. Твоё счастье – видно, не зря говорят про вас, веннов, будто вы упрямее пней… Ну да мы, сегваны, нисколько вам не уступим! Пусть этот корабль потонет в воде, которую моя дочь извлекает из его шерсти, но все вы будете укрываться под палубой, у очажка. По крайней мере, твой пёс этого определённо достоин!

Коренга, однако, дослушал едва ли до середины.

«Его… дочь?..»

Вот тут-то венна, которому как раз подносили горячей медовухи, и без огненного напитка бросило в жар. Ему словно протёрли глаза. Вместо не в меру кормлёного молодого парня, растерявшего жилистую мужскую стать, он увидел ладную, статную, могучую красавицу-сегванку, унаследовавшую телесную крепость отца.

Эория с усмешкой выжала тряпку за борт и принялась сушить мохнатое брюхо Торона.

Глава 16

Рассказ Коренги

Нечаянному попутчику венна такого внимания мореплавателей не досталось, да он, правду молвить, на него и не напрашивался. Лежал на палубе, свернувшись плотным калачиком под меховой шубой, и дрожал, зажмурив глаза. Чугушегг лишь мельком ткнул в его сторону роскошным веником бороды и спросил Коренгу:

– А этот, с тобой который, – он кто?

Коренга поневоле вспомнил сумасшедшие глаза и дубинку, занесённую для нешуточного удара… Весёлая медовуха щекотала и подталкивала язык, делая пережитое испытание поводом для красочного и даже не чуждого шутке рассказа, дающего возможность вволю покрасоваться собственными умом и сноровкой… Старая мудрость о стыде, отбегающем вместе с сытостью, заставила Коренгу просто передёрнуть плечами. Он сказал:

– Я почти не знаю этого человека, достойный кунс. Не ведаю ни имени, ни рода-племени. Как мне представляется, он по какой-то причине решил срочно уехать из Галирада и тайно проник на аррантский корабль. Когда мой пёс обнаружил его под лодкой… – всё та же мудрость возбранила Коренге упомянуть о попытке покражи, – он умолил меня не выдавать его корабельщикам. Ну а когда судно оказалось во власти твоих людей, отчаяние заставило его броситься в воду. Так мы оказались с ним вместе. Вот и всё, что я могу поведать о нём.

– Когда Зоралик рассказывает про Забана, умеющий слушать узнает больше про Зоралика, нежели про Забана, – пробормотал кунс. Коренга не вполне понял эти слова, произнесённые на чужом языке, сообразив только, что Чугушегг вспомнил к случаю какую-то сегванскую поговорку. А тот продолжал: – Ладно, венн. Этого разрисованного я, если пожелаю, расспрошу сам. А вот ты от меня двумя словами не отделаешься! Вы, венны, живёте в лесах и славитесь как отменные домоседы. Сами наружу носа не кажете, да и к себе гостей не больно зовёте… Кто поверит мне, будто я встретил кровного венна посреди широкого моря, между Фойрегом и Галирадом, да при деньгах, достаточных, чтобы купить место на аррантском корабле, да безногого на тележке, да в обществе крылатой собаки? И кто простит меня, если я отвечу, будто не сумел всё как есть про него вызнать?

Сказав так, Двадцатибородый уселся рядом с Коренгой на скамью гребца. Он ждал рассказа.

Смерть, только что пронёсшаяся мимо, вкупе со славной медовухой вовсю шумели у Коренги в голове. Тем не менее он понял: неотёсанный на вид мореплаватель видел его если не насквозь, то до середины уж точно, и двумя словами от него в самом деле никак не отбояришься. Даже пробовать не стоило обойтись привычными побасёнками, предназначенными для случайных дорожных знакомцев… Всё правильно, таким и должен быть воинский вождь! Смог бы тот же Чугушегг управляться с оравой более чем в полсотни свирепых и независимых молодцов, если бы не знал каждого из них лучше, чем тот сам себя знал?..

Такому человеку лгать нельзя, его не проведёшь на мякине. Ему следует говорить правду.

Или хотя бы часть её, способную прикинуться целым…

«Поморник» резво бежал вполветра, нагоняя ушедшую вперёд лодью старого предводителя. Молодые мореходы, не занятые делами, уже собирались кругом, желая послушать историю спасённого венна. Коренга вспомнил их всем известную любовь к долгим и по возможности забавным повествованиям – то есть изобилующим битвами, весёлыми проделками, великим самопожертвованием и любовными случаями – и начал издалека.

– Мы – дети Кокорины с речки Черёмуховый Юг: Хонга да Конда, Голомень да Разсоха, Мяндач да Железный Дуб… Железный Дуб – это мой отец, искусный в ремёслах…

Коренга увидел, как внимательно слушавшие сегваны начали переглядываться и кивать. Дуб – само по себе неплохое прозвание для достойного человека, а уж Железный!.. Все знают: так именуется могучее дерево, выросшее у края болот, хранящих рудные залежи. Древесина такого дуба напитывается железом и обретает особые свойства, и крепче её не найти.

Вот одобрительно кивнул сам кунс Чугушегг, и Коренга понял, что положил доброе начало рассказу.

Он продолжал:

– Шестьсот сорок три лета назад, когда людская память ещё не числила нашего имени, будущая праматерь рода попала в великий речной разлив. И совсем было уже приготовилась к гибели…

– Что же это был за разлив? – насмешливо перебил Двадцатибородый, и Коренга понял, что не ошибся, оценивая его проницательность. – У вас там, как я слышал, таких и рек-то нет, чтобы могли внезапно разлиться. А если девка позволила застичь себя половодью, об этом следует поведать отдельно, чтобы мы не начали считать её за кромешную дуру!

Коренга решил позволить себе немного обидеться.

– Грех великий был бы мне возводить такую напраслину на мать моих матерей, – проговорил он, стыдливо опуская глаза. – Прежде чем срамословить её, вспомни, кунс, то, о чём тебе известно лучше всех прочих. Море, которое мы ныне пересекаем, время от времени подвергается нашествию Змея, охочего до людских жизней…

Сказав так, он с удовольствием заметил, как несколько человек разом оглянулись на западный горизонт, а Чугушегг свёл косматые брови:

– Это ты к чему клонишь, венн?

– К тому, что путь Змея не всегда был таким, каким мы его знаем сейчас. Мудрецы, привыкшие сопоставлять, сегодня велят нам опасаться вод и земель, ещё десять лет назад считавшихся безопасными, и, наоборот, сулят мирное путешествие в некогда очень грозных местах. Нет нужды сомневаться, что и в древние времена Змею было свойственно без спросу творить Свои бесчиния там, куда заносили Его перепончатые крыла… Так и случилось однажды, что Змей прилетел в наши леса и у людей не было надёжной приметы, способной предупредить о Его появлении. Таких примет, как я слышал, и сейчас не особенно много, и даже у вас, живущих на палубах кораблей!

…Вот и наступила пора испытать истинность книжки-всезнайки, откуда Коренга почерпнул эти сведения о вековых повадках чудовищного Змея. Он даже дышать перестал, ожидая мнения кунса… У него камень отвалился от сердца,

когда Чугушегг после некоторого раздумья кивнул головой:

– Ладно, венн. Ври дальше.

Знал ли он, что в веннском языке слово «врать» было снабжено множеством смыслов, и в том числе – «произносить могущественные заклинания, способные отвратить опасные силы»? Коренга продолжил рассказ, чувствуя, что как никогда приблизился именно к этому пониманию старинного слова.

– Праматери моего рода уже показалось, что погибель сделалась неминуемой, но тут Боги, присматривающие за нашим народом, послали ей вызволение. Из темноты явила себя дивная кокора – огромный ствол-выворотень с твёрдым корнем, воздетым высоко над водой. Бедная женщина ухватилась за этот корень и вскарабкалась на лесину, и, хотя волосы по-прежнему рвал сырой бешеный ветер, ей показалось уютно и безопасно на замшелой коре, точно на груди у любимого мужа…

На лицах сегванов стали появляться понимающие ухмылки. Видно, все представили себе этот корень, лихо задранный к небесам, и сообразили, что будет дальше. Коренга увидел, как улыбнулась Эория.

– Всю ночь женщине мстилось, будто ствол под нею плыл немного не так, как вроде бы повелевали ветер и течение бушевавшей реки. И ещё ей казалось, будто кокора оберегала её и словно держала в объятиях, стараясь вынести из беды. Когда же рассвело и гроза стала стихать, женщина увидела впереди надёжную сушу. А потом выворотень лёг на прибрежный песок и, как только наша праматерь соскочила на отмель, обернулся пригожим статным мужчиной. Взялись они за руки, пошли дальше вместе и стали себе жить-поживать…

– С такими предками и правда только сидеть в самой крепи лесов да шарахаться от собственного отражения в маленькой луже, – сказал Чугушегг. – Что ж ты на своей тележке в море-то потерял? Может, тоже ждёшь, что кокора навстречу выплывет и красавицей перекинется?

Послышался смех. Коренга кивнул на Торона.

– На самом деле всё началось вот с него…

Пёс сидел вблизи, положив умильную морду на колени Эории, и подсыхал на солнышке и ветру. Ему было не впервой. Сегванка почёсывала Торону за ухом, слушая рассказ. Коренга неслышно вздохнул и снова стал говорить.

– Я ещё носил детскую рубашонку, ибо не знал Посвящения, и бегал не хуже всей остальной ребятни, когда однажды под конец лета в нашем роду остановились передохнуть виллы, отгонявшие разорительный град от чьих-то полей. Ты, кунс, конечно, замечал их, парящих на своих симуранах высоко в облаках… Дружбу вилл у нас чтут за великую удачу, и мы оказали небесным летунам весь почёт, какой только могли. Но в те дни Хозяйке Судеб было угодно, чтобы одна из наших деревенских сук вошла в охоту и надумала подпустить к себе кобеля. А у предводительницы вилл как раз и оказался при себе справный кобель… Он разогнал всех женихов, потому что никто не бьётся с такой свирепостью, как симуран, а надо тебе знать, достойный кунс, если вдруг это знание случайно тебя обошло, что симураны пребывают с обычными собаками в гораздо более близком родстве, нежели полагают незнающие. Они могут спариваться, и от этого бывает плодовитое потомство… Ибо самый первый симуран был обычной собакой, взысканной крыльями от Богов. И вот это родство явило себя во всей полноте. Виллы распрощались с нами и улетели, а через месяц мы обнаружили, что сука брюхата. Ещё через два месяца у неё родился крылатый щенок – вот этот самый Торон.

Все посмотрели на Торона. Смышлёный пёс сообразил, что речь шла о нём. Вскинул голову и стал красоваться, улыбаясь во всю зубастую пасть. Добродушный, ласковый зверь.

Нипочём не заподозришь той сокрушительной ярости, с которой он бросился на обидчика Шаняву…

– Знай ещё, благородный кунс: у нас принято, чтобы за брюхатыми суками ухаживали подросшие мальчишки, поскольку это их самих готовит к чести отцовства. И так вышло, что Торонову мамку взялся холить именно я. И был с ней, пока она рожала щенка. Он был моим с самого первого дня, и никто даже не пытался забрать его. У меня как раз перед тем умер пёс, и все видели, как я о нём горевал. А ещё через два месяца, когда мы с Тороном уже бегали наперегонки, опять прилетели виллы…

Коренга отпил не успевшей остыть медовухи. И, пока она пряным огнём разбегалась по телу, обвёл взглядом круг обращённых к нему лиц. Казалось бы,

что этим суровым воинам, каждодневно привычным к жизни и смерти, рассказ о каком-то щенке?.. А поди ж ты, слушали его с напряжённым вниманием.

– Виллы прилетели ночью, но я спал в клети, хотя стояла уже холодная осень, и слышал их разговор с моей матерью. – Молодой венн улыбнулся. – Мать, конечно, отпиралась потом, но я-то знаю: она намеренно говорила громче, чем следовало, чтобы я проснулся на её голос. А речь шла у них про Торона…

«Жаль, мы не угадали со сроками, – говорила старшая вилла. – Это оттого, что суки симуранов дольше вынашивают щенков, почти по полгода. Мы всячески стараемся не допускать рождения неублюдков[31 - Неублюдок – в старину любители кровного собаководства говорили «поблюсти суку с таким-то кобелём», если речь шла о плановом размножении. Если же собака сбегала и предавалась «свободной любви», получившееся потомство называлось «неублюдками», потому что за сукой недосмотрели, «не ублюли» её.], но когда такое случается, стремимся подгадать к самым родам, чтобы уничтожить детёнышей, пока они ещё не открыли глаза. Это не всегда получается, ибо с помесями легко просчитаться. Скверно, что здешний малыш уже успел подрасти и твой сын полюбил его. Однако ничего не поделаешь…»

Виллы – очень невысокий народ, лёгкий в кости, предводительница не доставала моей матери даже до плеча, но за ней была правда и власть.

Мать спросила её:

«Почему так? Почему вы не позволяете жить мешаному потомству? Это славный щенок, и крылья у него совсем как у отца…»

«Не мешайся пест с ложками, – ответила вилла. – Его крылья только кажутся настоящими. Раньше мы оставляли тумаков[32 - Тумак – метис, помесь разных пород.] и смотрели, что будет, и всегда получалось одно и то же. Славные щенки взрослели уродцами, их крылья оставались неразвитыми, так и не обретая размаха и силы, потребных для полёта. А потом эти заскорбыши сами начинали плодиться, так что калекам наследовали ещё худшие калеки. Жестоко отнимать жизнь, но ещё гаже – плодить подобные существа и позволять им ковылять по земле, с которой они не способны взлететь… Пойдём же, пока твой сын спит, совершим необходимое!»

На этом я решил, что слышал достаточно. Моя мать опять-таки не призналась, но я сразу понял, что она отвлечёт гостью, давая мне время. Я схватил Торона в охапку, мы с ним тихо-тихо выбрались сперва из клети, а потом и через забор со двора… Меня целую седмицу искали в лесу, и всё это время шёл дождь, насланный виллами, чтобы выгнать меня обратно домой, но я только забирался в чащу всё дальше. «Если тебе судьба умереть, – сказал я Торону, – то лучше уж здесь, вместе со мной, а не по чьему-то стороннему хотению!» Я боялся, что не уберегу маленького щенка, а вышло, что не уберёгся сам. Однажды я сел под деревом и не смог встать, потому что у меня отнялись ноги. Ещё через два дня мой дядька, брат матери, нашёл меня по следам. Когда нас с Тороном принесли домой, я прижимал его к себе и кричал, что убью всякого, кто вздумает к нему прикоснуться.

«За этого щенка уплачена слишком дорогая цена, – осмотрев мои ноги, сказала старшая вилла. – Мало правды было бы в том, чтобы после этого разлучить с ним мальца… Успокойся, парень, и не бранись такими словами, а то слушать противно!»

Ещё через некоторое время мой отец доказал своё мастерство, сделав для меня эту тележку… С тех-то пор, благородный кунс, мы с Тороном всюду путешествуем вместе!

– Глупость сопляков иной раз приносит неожиданные плоды, – покосившись на красавца Торона, сказал Сквиреп Чугушегг. – Ты воистину позабавил меня, но я так и не услышал, какая нелёгкая занесла тебя в море! Только не говори мне, будто везёшь своего пса в горные края, где живут симураны, чтобы те научили его летать, – всё равно не поверю!

Коренга улыбнулся.

– Я и не собирался говорить этого, кунс. Я лишь поведал тебе, с чего началось дело. А дальше всё просто… Так уж случилось, что меня любят в нашем роду. Когда мы услышали, будто в стране Нарлак можно доискаться великого лекаря, способного исцелить мои неисцелимые ноги, все дети Кокорины начали собирать мне деньги в дорогу, а потом проводили, докуда смогли. С помощью друзей и мимоезжих купцов я добрался до Галирада, а там сел на корабль, чтобы отправиться в стольный Фойрег. Вот и весь сказ!

Он ждал и был готов к тому, что Двадцатибородый усмотрит в его повести какие-то несоответствия и вновь начнёт задавать насмешливые вопросы, но их не последовало. Чугушегг лишь очень пристально взглянул на него – так пристально, словно Коренга нечаянно проговорился о чём-то очень для него важном. Пока молодой венн силился сообразить, что же это могла быть за важность такая, кунс поднялся со скамьи и рявкнул на своих мореходов:

– Ну-ка, лежебоки, отмахните Тагнаю, что я ухожу на юг! Иду к Фойрегу!

Глава 17

Рыба и пиво

За рассказ Коренге досталась большая кружка тёмного сегванского пива и хороший кусок красной рыбы, завяленной так, что мякоть казалась полупрозрачной. Молодой венн не без испуга подумал о том, как примет его желудок незнакомую пищу, почти наверняка слишком солёную. Было бы гораздо спокойней, если бы он имел возможность по-прежнему сидеть в своей тележке, на привычно подставленном черпачке… Ничего не поделаешь, тележка оставалась недосягаемой. Из неё только-только вылили воду, и о том, чтобы забраться туда, даже речи не шло. Торонова попонка и мягкий коврик Коренги сушились под мачтой – как хочешь, так и устраивайся. Ладно, будь что будет! Коренга попробовал рыбу и убедился, что она совсем не была пересолена. Она чуть ли не таяла во рту, сухая вроде бы плоть растекалась на зубах нежным жирком… Коренга запоздало подумал о том, что сегванов, сыновей моря, не нужно было учить, как рыбу готовить. Говорили же, будто на Островах в некоторых старых семьях находили у детей на коже чешуйки, точно так же как у родичей самого Коренги неизвестно откуда запутывались в волосах нити лишайника и обломки коры!.. Потом он отведал пива и опять испугался, как оно ляжет на только что выпитую медовуху. Зря ли его предостерегали родственники, более, чем он, опытные в питии, чтобы опасался мешать пиво с вином. По словам старших, подобная смесь порождала лютую головную боль, длившуюся целые сутки, – как раз то, чего ему именно сейчас только и не хватало…

Окончательно опечалившись, он отпил ещё пива. Тёмная жидкость имела густой, плотный, отчётливо хлебный вкус, сдобренный особой сладкой горчинкой. Ничего более подходящего к жирной рыбе придумать было поистине невозможно. Коренга подумал о том, что у него дома гостю в первую очередь дали бы хлеба. Доброго ржаного хлеба, лучше и вкуснее которого, по мнению веннов, ничего не могло быть… Потом он вспомнил сегванское присловье о голодном годе, вычитанное всё в той же книге-всезнайке. Было, дескать, так мало зерна, что не удалось даже толком наварить пива. Воспоминание оказалось очень полезным. Коренга мысленно махнул рукой на вполне возможные завтрашние неприятности – до завтра ещё нужно дожить, что о нём загодя переживать! – и решил считать пиво не хмельным напитком, а чем-то вроде хлеба. От которого, как всем известно, человеку не бывает и быть не может беды.

Рассудив так, Коренга приготовился в охотку осушить пузатую кожаную кружку… И тут же в который раз вспомнил о своём нечаянном попутчике. И о том, что тот наверняка был гораздо голоднее его. Раз уж он попытался украсть припас Коренги, значит, не имел своего. И, получалось, уже третий день совсем ничего не ел.

«Вот ведь незадача! – вздохнул про себя Кокорин потомок, предчувствуя новый спор с совестью и заранее зная, что этот спор ему опять суждено проиграть. – Я ещё и кормить его должен за то, что он у меня хотел тележку отнять, а самого небось и убил бы, если бы не Торон?..»

Ответа не было. Почему-то на подобные вопросы никогда не находится готовых ответов.

Между тем Сквиреп Чугушегг не торопился покидать скамью гребца, на которую присел послушать «враньё» безногого венна. Он лишь несколько раз оглянулся на дочь. Эория наравне с другими молодыми сегванами исполняла обычную морскую работу: тянула тугие снасти, переставляла и увязывала длинные шесты, что распирали нижние углы широкого красно-жёлтого паруса. Работа требовала немалой силы, а ещё больше – сноровки. Того и другого Эории было не занимать. Кунс и не то чтобы присматривал за тем, хорошо ли трудилась молодая воительница. Если Коренга что-нибудь понимал, Чугушеггу не терпелось поделиться с нею тем важным, что осенило его под конец услышанного рассказа. Однако кунс себя сдерживал. Успеется небось.

Покуда Коренга маялся неразрешимым вопросом, угощать или не угощать мало не убившего его голодранца, кунс неожиданно ему с этим помог.

Он слегка передвинулся на скамье и ткнул ногой прятавшегося под шубой крадуна.

– Ну-ка, – сказал он, – а ты, расписной, какими побасёнками нас порадуешь? За складное враньё мы и тебя, пожалуй, покормим да на берег отпустим!

Ответа не последовало. Кунс нахмурил кустистые брови.

– Ты, парень, говорить-то умеешь?

– Добрый господин мой… – еле слышно долетело с палубы. Воришка чуть высунул голову наружу, но глаз поднять не посмел. – Пощади…

Коренге захотелось скривиться. Так вели себя трусоватые деревенские шавки, когда могучий Торон всё-таки оборачивался на их брехливые наскоки с намерением посчитаться. Так однажды в большом торговом погосте на глазах у Коренги повёл себя нищий, уличённый собратьями в двурушничестве, сиречь в том, что протягивал за подаянием обе руки вместо одной. Сбитый наземь, тот человек съёжился под ударами в негромко хнычущий комок, который даже озлобленным его нечестностью попрошайкам очень скоро сделалось противно пинать. Вспомнив об этом, Коренга был готов брезгливо скривиться, но всё-таки удержался.

«А я-то сам достойно ли повёл бы себя, прижми меня жизнь, как прижала этого малого?..»

Сквиреп Чугушегг, кажется, готов был в сердцах наградить крадуна пинком, которого тот и ждал, но тут Коренга снова встрял не в своё дело, сказав:

– Не сердись на него, достойный кунс. Его на галирадском торгу какие-то люди за деньги показывали обнажённым в палатке, выдавая наколки на его теле за самородные письмена. Я сам слышал, как кричал зазывала, именуя его «живым узорочьем» и суля награду разумнику, который сумеет разгадать эти письмена! Не суди строго того, кто вынес подобное унижение. Ещё бы ему не бояться

людей, и в особенности таких властных и могущественных, как ты!

– А я слышал, будто вы, венны, не только превеликие упрямцы, но и завзятые молчуны, – бросил кунс раздражённо, и Коренга успел испугаться, не перешёл ли он границы дозволенного и не выйдет ли ему боком стремление жить в ладу с собственной совестью. Однако Чугушегг ничего более не добавил. Рывком встал и, уйдя на нос корабля, подозвал к себе Эорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кокора – ствол дерева с мощным, торчащим в сторону корнем либо толстым суком.

2

Коренга? – все имена «детей Кокориных» происходят из мира деревьев и леса. «Коренга» означает плохо выросшее кривобокое деревце, корягу.

3

Полсть – здесь: толстое тёплое покрывало.

4

Чагра?ва – разновидность небольшой чайки.

5

Заскорбыш – заморыш, изнурённый болезнями человек или животное.

6

Торо?н – внезапный порыв ветра, шквал, а также удар «тычком».

7

Скаредное – мерзкое, дрянное.

8

Падера – пурга, снежный вихрь.

9

Купырье, шаружник – народные названия пряных трав: петрушки и базилика.

10

Книжка-всезнайка – энциклопедия.

11

Узорочье – дорогая, разукрашенная узорами вещь.

12

Ка?женик – калека, изуродованный, «искажённый» человек.

13

Охотник – здесь: знаток и любитель.

14

Звяга – кто лает, пустолайка.

15

Зепь – сумочка, кармашек.

16

Рыбка баламут… морской острец – скумбрия и морской окунь.

17

Турусы – враньё, вздор.

18

Басенка, баснь – рассказ о вымышленном событии, в противоположность «сказке» – реальной истории.

19

Хлёбово – горячая жидкая пища.

20

Свирющий – свирепый.

21

Закладыш – «кладеный», кастрированный самец.

22

Касть – паскуда, дрянной человек.

23

Гырчей – любитель порычать, сердитая собака.

24

Па?полза – ребёнок, ещё не выучившийся ходить; всякое животное, которому от природы свойственно ползать.

25

Споло?х – набат, общий призыв на помощь.

26

Отрыщь – «нельзя», запрещение собаке (обычно охотничьей) рвать пойманную добычу.

27

Приспешник – помощник, «подготовщик», кухонный рабочий.

28

Заколе?ть – сильно замёрзнуть, остыть.

29

Скуде?ль – земля и всё ей принадлежащее, в особенности глина. Отсюда скудельный – бренный, слабый, хрупкий, подобный гончарному изделию.

30

Чуни – валяные или меховые «носки», служащие как домашняя обувь или в качестве утеплителя, например, для непромокаемых сапог.

31

Неублюдок – в старину любители кровного собаководства говорили «поблюсти суку с таким-то кобелём», если речь шла о плановом размножении. Если же собака сбегала и предавалась «свободной любви», получившееся потомство называлось «неублюдками», потому что за сукой недосмотрели, «не ублюли» её.

32

Тумак – метис, помесь разных пород.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-semyonova/tam-gde-les-ne-rastet

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити